

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

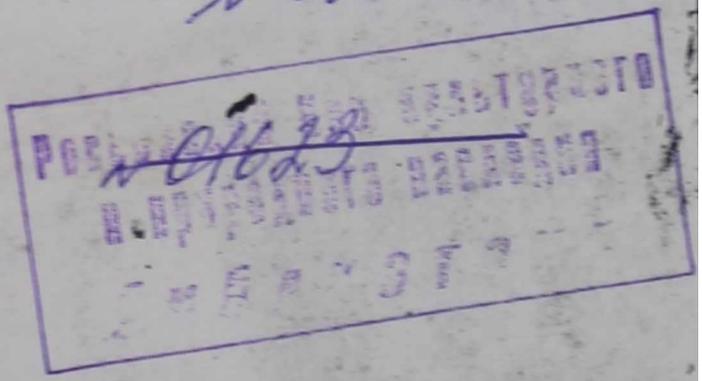
НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ VII

Е. М. ШИЛЛИНГ

КУБАЧИНЦЫ
И ИХ КУЛЬТУРА

ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ

№ 28333

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ VIII

Е. М. ШИЛЛИНГ

КУБАЧИНЦЫ И ИХ КУЛЬТУРА

ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

П. И. КУШНЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа написана по этнографическим материалам, собранным мною во время неоднократных поездок в с. Кубачи (1925—1944 гг.).¹

В ряде сторон развитой и древней по происхождению кубачинской культуры поражает богатство элементов и памятников исторического значения.

Удивительна также ревность и своего рода замкнутость столь обширных и восприимчивых вообще кубачинцев, когда дело касается ряда навыков и особенностей в области их знаменитого мастерства и некоторых черт бытовой стороны жизни (это подметили многие путешественники). Она не препятствовала, однако, собирательству: сведения сообщались охотно и очень подробно. Естественно, что значительное внимание было нами уделено чисто этнографическим данным, воссоздающим некоторые элементы из истории культуры кубачинцев.

Ее особенности всегда вызвали большой интерес как путешественников или случайных наблюдателей, так и ученых.

В интересах более выпуклой характеристики своеобразной культуры кубачинских «златокузнецов» в настоящей книге кубачинцы будут поставлены нами в центре внимания (но, конечно, не изолированно, а с учетом окружающей среды), как один из «малых народов» Внутреннего нагорного Дагестана, где такой пример не единичен. В советской науке в исследованиях о кубачинцах подобная концентрация внимания применялась уже не раз вполне обусловленно и закономерно. В частности, недавно в Тбилиси один из молодых кубачинцев Александр Магомедов с успехом защитил диссертацию, посвященную лингвистическому описанию кубачинского языка. Между тем следует указать, что кубачинцы представляют собой по существу группу или часть крупного дагестанского народа даргинцев, занимающих монолитную территорию, на фоне которой собственно кубачинцы являются лишь небольшой «точкой» или «островком». После Великой Октябрьской социалистической революции национальная консолидация даргинского народа пошла быстрыми темпами вперед. Многие, раньше разрозненные даргинские общества, а в составе их и общество кубачинское, реально объединились, полнее осознали свое единство, свою целостность. Кубачинцы в составе даргинского народа и в полном единстве с ним являются в наши дни активными строителями социализма.

Наиболее ранние сведения о кубачинцах встречаются у арабских авторов средневековья. Ценные для нас показания и материалы дают Гербер, Рейнеггс, Потоцкий и другие авторы XVIII в.

¹ Поездки состоялись в 1925, 1934, 1936, 1940 и 1944 гг.

В первой половине XIX в. сведения о с. Кубачи находим в общих описательных сочинениях Бровенского, Зубова, Евецкого и Околыничьего, знакомивших читателей, конечно, не с какой-либо отдельной частью Кавказа, а со всей страной в целом с точки зрения ее географии, истории, этнографии, экономики и обзора военных событий.

Первая научная работа о с. Кубачи, содержащая основательную сводку данных из всевозможных источников, начиная с арабских, принадлежит академику Х. Д. Френу. Она была опубликована в 1840 г. Через 20 с лишним лет (в 1861 г.) с. Кубачи посетил академик Б. А. Дорн, отметивший в своем «Отчете», что вплоть до его поездки «ни один европейский путешественник с ученой целью еще не был в с. Кубачи». Б. А. Дорн в с. Кубачи занимался эпиграфикой и собрал также небольшой, но ценный этнографический материал. Через 20 лет после Б. А. Дорна в с. Кубачи побывал проф. Д. Н. Анучин (1882 г.), посвятивший затем кубачинцам целую историко-этнографическую главу в вышедшей в 1884 г. специальной публикации. Таковы наиболее значительные научные работы о кубачинцах, относящиеся к периоду до Октябрьской революции, если не считать разбросанных статей, очерков и отдельных упоминаний, порой весьма содержательных, порой поверхностных.

После Октябрьской революции сложный комплекс с. Кубачи подвергся несравненно более широкому и глубокому изучению. Проф. Л. И. Жирнов составил первый лингвистический очерк кубачинского языка и написал ряд фольклорных текстов (публикация 1930 г.). Проф. В. А. Крачковская выполнила эпиграфическое изыскание по надписям на древних кубачинских рельефах (публикация 1938 г.). Специальному историко-культурному исследованию этих рельефов и относящихся к той же эпохе бронзовых котлов была посвящена серия ценных работ академика И. А. Орбеля и проф. К. В. Тревер (публикации 1922—1935 гг.), а также книга проф. А. С. Башкирова (публикация 1931 г.). Архитектурное исследование кубачинских построек произвел проф. Н. Б. Бакланов, составивший описание златокузнечного производства с. Кубачи (публикации 1927 и 1935 гг.). Изучению кубачинских производств и кубачинского художественного стиля были посвящены и мои работы, начавшиеся в 1925 г. Кроме перечисленного, в послереволюционный период появилось много очерков, статей, фельетонов, заметок и даже мелких произведений беллетристического характера, относящихся к описанию быта, производств и искусства кубачинцев.

Несмотря на сравнительное богатство литературы, посвященной кубачинцам, этнография их освещена скудно. Настоящей книгой, хотя она и не отвечает задачам монографии и написана в форме этюдов, я пытаюсь послать и частично заполнить указанный пробел. Все изменения в быту и общественной жизни кубачинцев, происшедшие за советский период, будут темой нашего специального исследования.

Книга состоит из трех глав-этюдов. В 1-й главе содержатся краткие исторические и историко-этнографические сведения о кубачинцах и тех основных разделах их материальной культуры, которые наблюдались автором в 1925, 1934, 1936, 1940 и 1944 гг. Эти наблюдения относились к сельскому хозяйству, средствам передвижения, домашним и кустарно-ремесленным производствам, постройкам, обстановке жилищ и одежде. Во 2-й главе содержатся подробные сведения о современных художественных металлообрабатывающих производствах, как о важнейшей стороне культуры кубачинцев. В 3-й главе содержатся выделенные в качестве исторического экскурса сведения, относящиеся к прошлому и связанные с древнейшей историей общественных отношений у кубачинцев.

ГЛАВА I

ОБЩИЙ ОЧЕРК МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАЧИНО-ДАРГИНСКОГО НАГОРЬЯ

Основные сведения о кубачинской территории и народе. Из истории присоединения к России. Роль металлообрабатывающих производств. Антикварная торговля. Кубачинские златокузнецы после Октябрьской революции. Сельское хозяйство и средства передвижения. Обработка шерсти и кож. Специализация селений кубачино-даргинского нагорья по отдельным производствам. Жилые и военные постройки и внутренняя обстановка жилищ. Национальная одежда.

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КУБАЧИНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И НАРОДЕ

Кубачино-даргинское нагорье — это южная часть территории, где обитает бывшая во второй половине XIX в. еще слабо консолидированной группа дагестанских яфетидов (современных даргинцев), в почти сплошном окружении которых расположен «город златокузнецов» (Кубачи), населенный другой родственной группой дагестанских яфетидов, в противоположность первой, чрезвычайно малочисленной и фактически являющейся сейчас «народом одного селения» (рис. 1).

Обе группы близки друг к другу в языковом отношении. Одна из них национально самоопределилась поздно (во времена исследования П. К. Услара, и даже позже, этот народ не имел еще, как писал этот исследователь, «определяющего наименования» [80, стр. 1]). Другая, «урбуг» (Урбуг — собственно, название селения; кубачинец — урбуган, мн. ч. — урбуганте), с IX в. н. э. известная у арабских авторов под персидским именем «зрехтеран» (кольчужники) и с XVI в. под турецким наименованием «кубачи» или «кубечи»² (равнозначным по смыслу персидскому) [83, стр. 87—88 и 90—91; 30; 20, стр. 92 в разделе «Примечания»], несмотря на малочисленность, повидимому, с давних времен хранила приведенное самоназвание, не сливаясь с окружающей этнической

² Наименование «кубачинцы» в литературе XVIII—XIX вв. иногда смешивалось с похожими на него наименованиями «каучи» (один из малых народов Западного Дагестана, относящийся к дагоской подгруппе) и «кубичи» (проживающие в Кубе татаро-язычные горские евреи). У Штраленберга группа, названная Kuba oder Kubetlin (горские евреи), ошибочно считается кубачинской (Der Nord und Ostliche Theil von Europe und Asia. Stockholm. 1730, S. 390).

В первой половине XIX в. сведения о с. Кубачи находим в общих описательных сочинениях Бровенского, Зубова, Евецкого и Околыничего, знакомивших читателей, конечно, не с какой-либо отдельной частью Кавказа, а со всей страной в целом с точки зрения ее географии, истории, этнографии, экономики и обзора военных событий.

Первая научная работа о с. Кубачи, содержащая основательную сводку данных из всевозможных источников, начиная с арабских, принадлежит академику Х. Д. Френу. Она была опубликована в 1840 г. Через 20 с лишним лет (в 1861 г.) с. Кубачи посетил академик Б. А. Дорн, отметивший в своем «Отчете», что вплоть до его поездки «ни один европейский путешественник с ученой целью еще не был в с. Кубачи». Б. А. Дорн в с. Кубачи занимался эпиграфикой и собрал также небольшой, но ценный этнографический материал. Через 20 лет после Б. А. Дорна в с. Кубачи побывал проф. Д. Н. Авучин (1882 г.), посвятивший затем кубачинцам целую историко-этнографическую главу в вышедшей в 1884 г. специальной публикации. Таковы наиболее значительные научные работы о кубачинцах, относящиеся к периоду до Октябрьской революции, если не считать разбросанных статей, очерков и отдельных упоминаний, порой весьма содержательных, порой поверхностных.

После Октябрьской революции сложный комплекс с. Кубачи подвергся несравненно более широкому и глубокому изучению. Проф. Л. И. Жирнов составил первый лингвистический очерк кубачинского языка и записал ряд фольклорных текстов (публикация 1930 г.). Проф. В. А. Крачковская выполнила эпиграфическое изыскание по надписям на древних кубачинских рельефах (публикация 1938 г.). Специальному историко-культурному исследованию этих рельефов и относящихся к той же эпохе бронзовых котлов была посвящена серия ценных работ академика И. А. Орбела и проф. К. В. Тревер (публикации 1922—1935 гг.), а также книга проф. А. С. Башкирова (публикация 1931 г.). Архитектурное обследование кубачинских построек провела проф. Н. Б. Бакланов, составивший описание золотокузнечного производства с. Кубачи (публикации 1927 и 1935 гг.). Изучению кубачинских производств и кубачинского художественного стиля были посвящены и мои работы, начавшиеся в 1925 г. Кроме перечисленного, в послереволюционный период появилось много очерков, статей, фельетонов, заметок и даже мелких произведений беллетристического характера, относящихся к описанию быта, производств и искусства кубачинцев.

Несмотря на сравнительное богатство литературы, посвященной кубачинцам, этнография их освещена скудно. Настоящей книгой, хотя она и не отвечает задачам монографии и написана в форме этюдов, я пытаюсь посылать и частично заполнить указанный пробел. Все изменения в быту и общественной жизни кубачинцев, происшедшие за советский период, будут темой нашего специального исследования.

Книга состоит из трех глав-этюдов. В 1-й главе содержатся краткие исторические и историко-этнографические сведения о кубачинцах и тех основных разделах их материальной культуры, которые наблюдались автором в 1925, 1934, 1936, 1940 и 1944 гг. Эти наблюдения относились к сельскому хозяйству, средствам передвижения, домашним и кустарно-ремесленным производствам, постройкам, обстановке жилищ и одежде. Во 2-й главе содержатся подробные сведения о современных художественных металлообрабатывающих производствах, как о важнейшей стороне культуры кубачинцев. В 3-й главе содержатся выделенные в качестве исторического экскурса сведения, относящиеся к прошлому и связанные с древнейшей историей общественных отношений у кубачинцев.

ГЛАВА I

ОБЩИЙ ОЧЕРК МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАЧИНО-ДАРГИНСКОГО НАГОРЬЯ

Основные сведения о кубачинской территории и народе. Из истории присоединения к России. Роль металлообрабатывающих производств. Антикварная торговля. Кубачинские золотокузнецы после Октябрьской революции. Сельское хозяйство и средства передвижения. Обработка шерсти и кож. Специализация селений кубачино-даргинского нагорья по отдельным производствам. Жилье и военные постройки и внутренняя обстановка жилищ. Национальная одежда.

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КУБАЧИНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И НАРОДЕ

Кубачино-даргинское нагорье — это южная часть территории, где обитает бывшая во второй половине XIX в. еще слабо консолидированной группа дагестанских яфетидов (современных даргинцев), в почти сплошном окружении которых расположен «город золотокузнецов» (Кубачи), населенный другой родственной группой дагестанских яфетидов, в противоположность первой, чрезвычайно малочисленной и фактически являющейся сейчас «народом одного селения» (рис. 1).

Обе группы близки друг к другу в языковом отношении. Одна из них национально самоопределилась поздно (во времена исследования П. К. Услара, и даже позже, этот народ не имел еще, как писал этот исследователь, «определяющего наименования» [80, стр. 1]). Другая, «урбуга» (Урбуг — собственно, название селения; кубачинец — урбуган, мн. ч. — урбуганте), с IX в. н. э. известная у арабских авторов под персидским именем «апрехгеран» (кольчужники) и с XVI в. под турецким наименованием «кубачи» или «кубачи» (равнозначным по смыслу персидскому) [83, стр. 87—88 и 90—91; 30; 20, стр. 92 в разделе «Примечания»], несмотря на малочисленность, повидимому, с давних времен хранит приведенное самоназвание, не сливаясь с окружающей этнической

* Наименование «кубачинцы» в литературе XVIII—XIX вв. иногда смешивалось с похожими на него наименованиями «калугчи» (один из малых народов Западного Дагестана, относящийся к диалектной подгруппе) и «кубачи» (проживающие в Кубе татароязычные горские евреи). У Штраденберга группа, названная Kuba oder Kubetzin (горские евреи), ошибочно считается кубачинской (Der Nord und Ostliche Theil von Europe und Asia. Stockholm, 1730, S. 390).

средой. Ассимиляция препятствовала строго соблюдавшимся даже до недавнего времени эндогамные запреты³ и то обстоятельство, что в культурно-экономическом отношении кубачинское население находилось на несколько более высокой стадии развития, сравнительно с соседями.

Фольклорные данные, однако, говорят о войнах с. Кубачи с соседями, о более широком когда-то расселении кубачинцев, о некоторых переселениях и о ряде ныне необитаемых урочищ, заселенных раньше народом урбуг. Вследствие сказанного можно предполагать, что «урбугская» тер-

Рис. 1. Общий вид селения Кубачи. 1944 г.

ритория когда-то была шире и что, в конечном счете, процесс ассимиляции в течение веков все же имел место. Это предположение подтверждается показаниями восточных средневековых источников, начиная с Баладзори и Масуди (IX—X вв.) [10, стр. 18; 43, т. 38, стр. 52], применяющих в данном случае название «страна зирехгеранов» (что не могло бы относиться лишь к одному населенному месту) и указывающих на размеры дани (платимой зирехгеранам), превосходящие экономические возможности одного селения. Находимое у Абу-Хамид Андалузи (XII в.) [9; 79] указание, что зирехгераны живут в двух селениях, очевидно или отражает дуальную структуру главного селения или имеет в виду в качестве двух основных пунктов — Кубачи и Сулевкент, вовсе не обозначая уменьшения к этой поре зирехгеранской территории. Авторы XVIII и первой половины XIX в. сообщают, что на кубачинском языке говорят, кроме селения Кубачи, в нескольких окрестных селениях (от 3 до 8). По Бракелю (1-я половина XIX в.) [22, стр. 159—165; также 83, стр. 94], это Амузги, Сулевкент, Шпри (современные самоназвания: Амузги—Амудг, Сулевкент — Сулейк, Шпри — Ши); по Потоцкому [73, стр. 117], который был в Дагестане в 1797 г., те же селения плюс Кала-Корейш (са-

³ Кубачинки не выдавали замуж в другие селения; равным образом, кубачинцы не брали себе невест из других селений.

моназвание — Умос), Напки и еще три, имена которых у Потоцкого — Noumoukalla, Khodetsalla, Ourvalla — я не расшифровал.⁴

По затронутому вопросу приведем некоторые записанные нами предания.

1. По рассказам стариков,⁵ на определенных урочищах близ с. Кубачи были когда-то селения, жители коих говорили по-кубачински. С с. Кубачи они были либо в дружественных, либо во враждебных отношениях («кто соединился с нами, тех не трогали, а кто нет, — на тех мы наступали», говорят кубачинцы). Названия урочищ следующие: Анчи-бачи, Кубасанля, Дешля-нах, Муклибчи-маши. До настоящего времени кубачинцы считали язык с. Ашты (южнее Кубачи) своим. Аштинцы, по их версии, не «природные даргинцы», а переселенцы из названного урочища Анчи-бачи в результате столкновений с с. Кубачи. Воспоминания об этом нашли след в известной кубачинской поговорке «Аштинцы из Анчи-бачи убежали, лошадей подковы задом наперед повернув, ночью». Жители Ашты, как говорят, в то время приняли ислам, тогда как с. Кубачи оставалось христианским. Версию о кубачинском происхождении аштинцев передает и Эркерт [97, стр. 202].

Наименования ряда заброшенных урочищ состоят из словосочетаний, где к собственному имени места прибавляется слово ку, — что значит «пахотный участок». Надо думать, это свидетельствует о прежней большей заселенности района людьми, говорившими на урбугском языке. Одно из таких урочищ Апла-ку — участок, подаренный кубачинцами кайтакскому князю.⁶

2. В с. Кубачи есть место со старыми могилами, носящее название Кала-ку, что значит «средски посевной участок». Легенда⁷ рассказывает, что в могилах погребено 40 богатырей (батырты), погибших во время стычки с калакорейшцами. Спор произошел из-за владения пастбищем на склоне горы Лямцля-бай. По распоряжению чинб (органа общественного управления кубачинцев), убитых в ту же ночь до восхода солнца тайно похоронили на этом самом месте при танцах под звуки барабана и зурны, стараясь скрыть печальное событие, а на могилах посадили редиску, отчего они называются доныне Кала-ку. Кайтакский князь (уцмай), к которому якобы враждующие стороны обратились за разрешением конфликта, присудил отдать Лямцля-бай за кровь селению Кубачи, присовокупив — «кубачинские женщины в одну ночь вдвойне возместят эту потерю, — убито 40, а зачнут 80».⁸

По другому рассказу,⁹ в почитаемой могиле в с. Кала-Корейш похоронено три существа — девушка, кобылица и собака, спасшие калакорейшцев, как гуси Рим (они подняли тревогу при внезапном вторжении гяуров кубачинцев в пятницу, когда все правоверные калакорейшцы находились в мечети). Рассказ далее поясняет, что кубачинцы не хотели

⁴ Примечательно, что в показаниях более поздних источников говорят о том же. В статьях П. Петухова [69, № 86—87; 70, № 7] речь идет прямо о «кубачинском племени», населявшем четыре аула — Кубачи, Сулевкент, Амузги, Шпри. А. В. Комаров [70, стр. 85—86] сообщает, что жители селений Сулевкент, Амузги и Шпри владеют кубачинским языком и подчинены управлению селения Кубачи, с которым имеют общие земли; все эти четыре аула входят в магал Гапшы Уркарааского наместства Верхнего Кайтага в Кайтаго-Табасаранском округе; по Р. Эркерту, на кубачинском языке говорят в Кубачи, Кала-Корейше «и еще двух соседних небольших пунктах» — надо думать — в Сулевкенте и Амузги [97].

⁵ Г. Р. Ирганов, с. Кубачи, 1944 г., и др.

⁶ Сведения об этом урочище см. в гл. III.

⁷ Рассказано Гаджи Расулом Иргановым, 1944 г.

⁸ Рассказано Алиханом Ахмедовым, 1940 г.

⁹ Рассказано Саидом Магомедовым, 1940 г.

принять ислам. У них была церковь «келасá» с двумя парами велико-
 лесных деревянных резных дверей. В войнах двери не менее трех раз
 переходили из рук в руки, но, наконец, они остались у калакорейцев
 как военный трофей, украсивший здание мечети. Их до недавнего времени
 можно было здесь видеть (датируются XII—XIII вв. [17, стр. 118—130])
 (рис. 2). Заметим, что с. Кала-Корейш, занимающее на редкость удачное
 в стратегическом отношении место, было в числе орденов распространения
 в нагорьях Южного Дагестана мусульманства. Это, очевидно, первая
 резиденция-крепость наместников арабского периода, принявших титул
 уцмив. Тут же уцмийское кладбище, надпись которого разобрал акаде-
 мик Б. А. Дорн (дата самой ранней из сохранившихся—1423 г., самой позд-
 ней — 1803 г.), и древние арабские саркофагообразные надгробия — уни-
 кальные памятники, подобные известным могилам «Кырхляр» в Дербенте
 (такие могилы кубачинцы называют мукуй-хушбэ, т. е. каток-могила,
 так как надгробия действительно несколько напоминают сильно увели-
 ченные в масштабе плитки для утрамбовывания плоских крыш — особые
 цилиндрические камни). Надгробия упомянутого типа имеются еще в
 с. Урнарах близ с. Кубачи, а также, по указанию А. С. Башкирова, в
 Верхнем Табасаране у аула Гемейди и около городища Армен-Кала в до-
 лине устья Самура [18, стр. 54—63].

По рассказу двадцатилетнего старика Али Богатырева,¹⁰ в с. Кала-
 Корейш устраивалось в старину игрище, настолько своеобразное, что ни-
 каких кавказских аналогий к нему пока не подыскивается. Это игрище,
 существование которого, помимо калакорейских показаний, было под-
 тверждено и жителями с. Амузги, содержит, как мне кажется, пережитки
 раннего феодального периода со всей спецификой взаимоотношений между
 владельческим центром Кала-Корейш и соседними селениями зависящих от
 него и в то же время «вольных» даргинских обществ. Селение, задумавшее
 устроить игрище, пекло гигантский пирог «чутту» из трех-четырёх пудов
 муки. Пирог имел в диаметре около 2 м. Его начиняли толстым слоем
 сыра, яиц, мяса. Для печення этого гиганта расчищали место на току,
 разводили костер и пекли затем пирог в золе. Когда пирог пекся, его по-
 ворачивали 5—6 человек. Затем мужская молодежь везла пирог в особой
 плетеной корзине на лошади или несла на носилках в селение Кала-
 Корейш. Делалось это тайком. Экспедиция отправлялась вечером, чтобы
 прибыть в Кала-Корейш в полночь. Задача состояла в том, чтобы войти
 незаметно в спящий Кала-Корейш, поставить пирог перед домом стар-
 шины и крикнуть ему: «Вам пирог, а нам праздник!» Старшина должен
 был ответить: «Понял!» Тогда молодежь стреляла из ружей и поспешно
 убегала, а проснувшееся население бросалось в погоню. Если погоня
 завершалась успехом, калакорейшцы не обязаны были устраивать празд-
 ника, а привезенный гигантский пирог делили между собой и съедали.
 Если же погоня не имела результата, Кала-Корейш должен был устроить
 селению, привезшему пирог, праздник. В празднике принимали участие
 мужчины, женщины и дети. Каждый калакорейшский двор должен был
 выставить от себя угощение. На празднике пили вино, устраивали скачки
 на лошадях (состязания), пели, танцевали, веселились. Праздник длился
 дня два. Затем калакорейшцы с честью провожали гостей за границы
 аула.¹¹

3. В ныне даргинском с. Шири есть могила шейха, в недавнем прошлом
 широко почитаемая и стягивавшая к себе множество мольщиков. Пре-

¹⁰ Запись 1940 г. в с. Кала-Корейш.

¹¹ Примечательно, что с. Кубачи в организации описанного игрища, связанного
 с представлением о престиже их противника—с. Кала-Корейш, не участвовало.

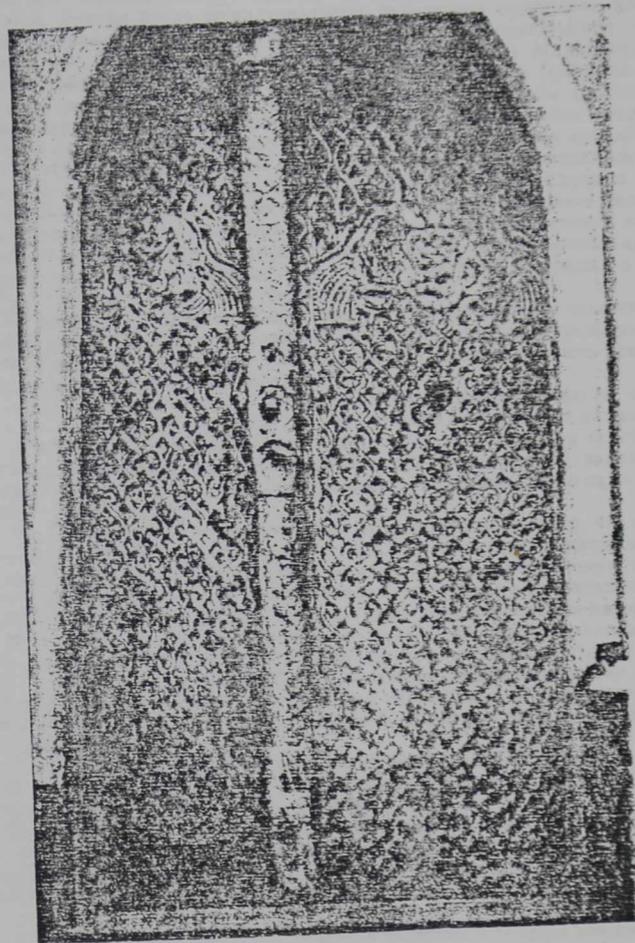

Рис. 2. Резные деревянные двери мечети в с. Кала-Корейш.
 Фото Е. Шиллинга 1936 г.

даже¹² повествует, что жил некий Али (шейх, святой человек) — охотник и воин, неуязвимый для пули. Они оставались в его одежде и сыпались на пол, когда герой после боя дома раздвинулся. Ударом шашки он перерубал скалу. Он имел такой выпуклый лоб, что пот не мог попадать в глаза. Однажды Али собрал людей и пошел войной на Кубачи, желая захватить их церковь. В конце концов он был предан своей женой (по некоторым версиям, кубачиной). Кубачинцы убили Али, когда он молился на горе,

Рис. 3. Гадим Расул Ирганов — один из лучших информаторов, от которого нами было записано много ценных сведений, с. Кубачи, 1944 г.

и отрубил ему голову. Тело шейха погребено в с. Кала-Корейш, а голова в с. Шари, — как раз там, куда она якобы скатилась со склона горы. По другому варианту, кубачинцы через жену шейха узнали, что его можно убить только при помощи большого топора, которым бьют быков. Кубачинцы тотчас сковали семь таких топоров. Во время боя Али увидел топоры, понял, что должен погибнуть, и пад духом. Его действительно убили топором. На могиле шейха в с. Шари ежегодно устраивались большие моления, во время которых резали баранов. Почитание могилы еще не совсем было забыто в 30 гг. XX века.

Третий вариант того же предания (записанный в 1944 г. от старика Г. Р. Ирганова, рис. 3) передает, что ширинский шейх был мусульманином, тогда как кубачинцы исповедовали христианство. С ними он постоянно воевал и был непобедим. Жена шейха, кубачинка, по настоянию родных вывела у мужа тайну. Он сказал ей: «Сто пуль, которые в меня попадут, и сто кивжалых рав не причинят мне смер-

¹² Рассказано в с. Кубачи Саидом Магомедовым, 1925 и 1940 гг.

ти. Но возьми дятло (мясной топор) и ударь меня по шее, тогда я умру. Если мне отрубят голову, сделайте памятник на том месте, куда она упадет». Вскоре после этого признания кубачинцы привязали дятло к длинной палке и нашла случай убить шейха. Предательница происходила из кубачинского джинса (родовой группы) Мирхьявхъалла (в настоящее время в с. Кубачи вымершего), жившего в Дубшила куат (среднем квартале). У всех представителей этого джинса (рассказчик утверждал, что он сам это видел) ноги были кривые. «Это потому», — добавил он, — что их джине был виновником смерти ширинского шейха».

4. Кубачинцы были когда-то гораздо многочисленнее и подчиняли себе соседние селения, признавая, однако, власть хувазского нучала (владельца Аврри). Жители ближнего селения Уркарах отрицают свою былую зависимость от кубачинцев. Мы, говорят они, подчинялись только удмию,¹³ который сидел в крепости Кала-Корейш, а с кубачинцами воевали, хотя те были сильнее нас. Мы тогда имели лук и стрелы, а кубачинцы пушки и ружья. Они были христианами.

По другому уркарахскому преданию, два благочестивых человека молились о помощи против одолевавших кубачинцев. Аллах услышал молитву. С тех пор уркарахские жители ходят в с. Лиши на могилы тех двух святых и режут там пять баранов.¹⁴

5. Первоначальное место поселения кубачинцев находилось якобы гораздо западнее, — на границе Казikumухского района. Оно называлось Кар-Урбуг. Потом уже кубачинцы, отняв у калакорейшцев в сулевкентцев гору Лямцля-бай (вариант приводившей выше легенды), заключили с ними мир и получили горы, принадлежащие им поныне. В бою пало 40 человек кубачинцев.¹⁵

Эту версию интересно сопоставить с другой, утверждающей, что с. Кубачи было расположено когда-то не там, где теперь, а в ином пункте «в горах Кайтага», и расширившей, таким образом, кубачинскую территорию в иных направлениях — на юг и восток, однако в пределах все той же области, которую я условно называю «кубачино-даргинским нагорьем».

Кубачинцы, как гласит упомянутая легенда, сперва занимала в Кайтаге «несчастливую землю». Однажды пропал «принадлежавший обществу красный бык». Его нашал на горе, соответствующей нынешнему местоположению селения. То же повторилось на второй день и затем на третий. Люди решили, что место, куда уходил их бык, должно быть «счастливым», и переселились.¹⁶

Имеется еще предание, сообщаемое Л. И. Жирковым [39, стр. 255—281], о том, что кубачинское поселение первоначально находилось на горе Кайдешла-муда к востоку от с. Кубачи.

По сообщению Г. Р. Ирганова (запись 1944 г.), предания говорят также, что селение Кубачи «собралось в одно место из семи селений». По этому поводу существует даже поговорка — кубачинцы, мол, никогда между собой не будут ладить, так как они из семи аулов (записать ее точно на

¹³ В преданиях этих отражается старейшая традиция: в то время как противники кубачинцев калакорейшцы подчинялись ближайшему князю — удмию, кубачинцы находились в сравнительно слабой зависимости от далекого аварского нучала.

¹⁴ Рассказано кубачинцем Х. М. Кавказовым, с. Уркарах, 1940 г.

¹⁵ Рассказ Г. Р. Ирганова, с. Кубачи, 1940 г.

¹⁶ Записано в с. Кубачи от Г. Р. Ирганова в 1940 г. Следует заметить, что та же версия в сплетении с преданием о франкском, т. е. европейском, происхождении кубачинцев (будто бы выпавших некогда шахом из Рума в Дербент, а затем удалившись в горы) была приведена в 1859 г. А. В. Комаровым [80, стр. 85—86], в 1873 г. Б. А. Дорном [36, примечание 23] и в 1903 г. П. Ф. Свидерским [75, № 15]. Рассказ о чудесном быке в данной легенде Уваров считает одним из признаков существования у предков кубачинцев маадепама [79].

кубачинском языке мне, к сожалению, не удалось). Места этих легендарных первичных селений не выяснены, но одно из них, по словам рассказчика, находится недалеко от с. Кубачи на месте, называемом Хазий-Габилтвала, что соответствует значению «место богатства», так как жители здесь искали клад в находили браслеты, кольца и другие предметы. Данная версия служит, может быть, не столько иллюстрацией более обширной в прошлом территории зирехгеранских групп, сколько признаком первоначального членения группы собственно Кубачи на близлежащие родовые поселения, позже сконцентрировавшиеся и объединившиеся.

Приведенные легенды, записанные мною на месте, являются в с. Кубачи общезвестными и очень популярными. Из них можно вывести заключение о более позднем принятии кубачинцами ислама, об известной особенности кубачинской культуры (конечно, не только конфессии, а также о значительно большей численности и территории в прошлом «народа урбуг»,¹⁷ о некотором выделении кубачинцев среди соседей по уровню культуры и вооружению, о войнах их с соседями и, наконец, о наличии внутренней борьбы жителей урбугских селений против населения экономического центра этого района (с. Кубачи), причем выпавшее в результате этой борьбы из сферы влияния с. Кубачи урбугское население постепенно слилось с окружающими массами других даргинских и кайтакских групп.

В настоящее время кубачинцы живут в одном селении (в Дахадаевском районе Дагестанской АССР), отстоящем на 58 км по прямой линии к западу от Дербента. Место, где расположено селение Кубачи, высокогорное (около 1,5 км над уровнем моря), еще лет 20 назад было почти недоступным для колесного сообщения. В наши дни до с. Кубачи имеется хорошая автомобильная дорога от железнодорожной станции Мамед-кала, проходящая через с. Маджалли (районный центр Кайтакского района) и с. Урнарах (районный центр Дахадаевского района). Селение насчитывает более 500 дворов с общим количеством жителей более 2,5 тыс. человек.

По лингвистической классификации кубачинский язык,¹⁸ родственный даргинскому и кайтакскому, выделяется вместе с ними в особую (даргинскую) группу восточной (дагестанской) ветви нахкавказских языков. До Октябрьской революции кубачинцы в практическом обиходе пользовались арабской письменностью (арабскими буквами писали по-кубачински). В настоящее время письменность на даргинском языке.

Распространенная среди кубачинцев религия — ислам суннитского толка. Ислам укоренился довольно поздно: по предположению Б. А. Дорна [33, стр. 64—65] — в XIV—XV вв.¹⁹ Поточкий [73, стр. 107] приводит интересное свидетельство, что и в его время религия Мухаммеда в среде кубачинцев имела единичных противников. Осведомитель названного автора Павел Калустов был в с. Кубачи, где жители ему рассказали о проживании в горах, неподалеку от с. Кубачи, одного мужчины, придерживавшегося «старой религии»;

¹⁷ Более широкая в прошлом «кубачинская» территория, должно быть, захватывала теперешнюю даргинскую область вокруг с. Кубачи и простиралась еще на восток в направлении к Дербенту.

¹⁸ Первые материалы по изучению кубачинского языка находим у Патласа [68] и Клапрота [48, 49], в конце XIX в. небольшой и ненадежный по качеству лингвистический материал дал Эркерт в книге «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes», опубликованной в Вене в 1895 г.; после Октябрьской революции появилось первое научное лингвистическое исследование кубачинского языка, принадлежавшее советскому лингвисту проф. Л. И. Жирнову [39].

¹⁹ О позднем упорочении в Кубачи ислама (в XV—XVI вв.) говорит Р. Эркерт [97, стр. 194—195].

жива его недавно умерла (сведения от 1797 г.). Под этой «старой религией» надо разуметь слои, повидимому, несший в себе следы христианства, значительно еще сохранившиеся в то время. До укрепления ислама кубачинцы были христианами. Помимо общезвестного факта распространенности в Южном Дагестане в период средневековья христианства (в значительной мере основываясь на устойчивости местных восточнокавказских элементов этого христианства, именно в прикаспийские области Кавказа устремлялось внимание Ватикана [24, стр. 111—114]), для вопроса о христианстве в с. Кубачи интересны и некоторые другие материалы. Сюда относятся, во-первых, чрезвычайно устойчивые местные народные предания, которые частично я уже приводил; во-вторых, показания некоторых восточных источников, например, Масуди [43, т. 38, стр. 52] (говорящего о наличии в стране зирехгеранов и христианства, и иудаизма, и мусульманства); в-третьих, примечательное упоминание об обнаружении в с. Кубачи в 1782 г. геритутерами из Сарепты на Волге Грабшем и Грулем остатков «трех христианских церквей» и на одной из них камня с датой начала XIII в. [28; то же в публикации П. Поточкого 73, стр. 106—113]. Из этих «трех христианских церквей» сохранилось до наших дней лишь то старинное высокое здание, которое Н. Б. Бакланов [13] называет башней, а местное население «церковью», впоследствии, по укреплении ислама, превращенной в так называемую «женскую мечеть» (хунала мжирд). Указанная выше дата — начало XIII в. — совпадает с датировкой и калакорейских дверей в старейших кубачинских каменных рельефах, заведомо доисламских. Заслуживающий доверия автор П. Петухов, посетивший совместно с академиком Б. А. Дорном с. Кубачи в 1861 г., свидетельствует, что разобранные из старинных зданий эти рельефы можно видеть вставленными в стенах многих кубачинских жилищ, «как амулеты» [69, № 87]. Очевидно, это один из пережитков, восходящий ко времени пещно христианского периода Кубачи.

Андалузи²⁰ приводит рассказ о существовании в с. Кубачи обрядов погребения, в коих можно узнать черты паразма (отделение мяса от костей, которые складывались в особые мешки, тогда как мясо отдавалось на съедение птицам).

Пережитки христианства, иудаизма и зороастризма в быту в с. Кубачи теперь не прослеживаются; зато имеются кое-какие остатки местных доисламских верований.

Приведу некоторые конкретные сведения о них, собранные мною в разное время в с. Кубачи.

В цикле «гулала аку букон», охарактеризованном в последней главе этой работы, выделяются элементы, в которых можно усматривать пережитки существовавших когда-то весенних или летних обрядов и праздников (связанных с культом плодородия). Таковы обрядовые игры с «яичным деревом» (дукнала тутта), церемония «праздника цветов» и некоторые другие моменты. В том же цикле обращает на себя внимание обрядовый танец аскайла.

Из других пережитков, которые помнит в настоящее время часть старшего поколения, следует упомянуть об особом отношении к лягушке (гитá), что тоже, повидимому, было связано с представлением о божестве плодородия и урожая. Существует поговорка — «лягушку убить, год не прожизнешь». Действительно, обычай запрещает убивать

²⁰ Вариант того же рассказа в передаче З. Казвини (XIII в.), пользовавшегося в качестве первоисточника рассказом Андалузи, сообщает Френ [83, стр. 87—107] и по Френу — В. В. Бартольд [14, стр. 099—0104]; рассказ Андалузи частично дан в переводе, частично пересказан Д. Н. Аученым [9, стр. 403—404] и также помечен в статье Уварова [79, стр. 73].

лягушек. Аналогичный культ, но еще более ярко выраженный, сохранился на территории Кабалнского магала в северном Азербайджане, главным образом среди удин до начала XX в. Он существовал до революции и у армян.

Образ птицы, устойчиво связанный с женским головным убором (в традиционной вышивке на казе²¹ обязательно воспроизводится повторяющееся изображение птицы) и медным светильником (обязательное изображение птицы, увенчивающее чак, т. е. светильник), предметом тоже по преимуществу женского обихода, имел, очевидно, первоначально значение какого-то чисто женского амулета (см. рис. 46 и 66).

Кубачинцам не чужды были в прошлом представления о космическом быке, держащем на рогах землю, и чудовищном змее «аждах», заграждающем воды. Пословица гласит: «как аждаха захватил воду, так люди захватили вещи». Термин аждаха у тюркоязычного населения Закавказья соответствует армянскому слову вшшап (под каким-либо наименованием в Армении известны изваяния гигантских рыб с высеченными на них изображениями тех же двух образов, быка и змея, — символов властителей вод земных и небесных, подающих обилие и плодородие). Следовательно, и в с. Кубачи имеет место какой-то отпечаток этих древних верований, распространенных у многих народов Кавказа.

Среди амулетов, еще употреблявшихся в с. Кубачи в начале XX в., примечательны — змеиная шкурка «кайля — куле», которая, как рассказывали, клалась ребенку под подушку, «чтобы он хорошо спал, не пугался шайтана и вырос храбрым»; круглая лепешка — «уригал» в виде баранки (по поверьям, «предохранявшая детей от шайтана») и веточка терновника с наростом — «бусиан» (по поверьям, «обеспечивавшая детям хороший сон»).

Сверх упомянутых амулетов, приобретенных мной в с. Кубачи в 1940 г. и хранящихся в Музее истории религии (Ленинград), я помещаю в качестве дополнительного материала в Приложении 1 описание небольшой коллекции этих предметов, приобретенных мною в с. Кубачи в 1944 г. и ныне хранящихся в фондах того же музея.

Наконец, у кубачинцев, как и у даргинцев, встречались в начале XX в. остатки почитания деревьев на могилках (с приношением votивных лоскутов, а также маленьких матерчатых флажков, прорез которых иногда воспроизводит изображение человеческого лица — глаз, бровей, носа и рта).

Предки кубачинцев — древние зпрыхгераны, местные аборигены, дагестанские яфетиды, родственные соседним даргинцам и кайтакам с их (как показано) более широкой территорией (в составе той же зоны), не были, может быть, этнически однородной массой. Если это так, то нынешние кубачинцы — один из наиболее сильных «зпрыхгеранских» элементов, входивших в состав группы албанских племен, ибо кавказская Албания северной частью захватывала данную область Дагестана. Легенды самих кубачинцев и их соседей и домыслы Гербера [28, стр. 2—3], Браке-ля [22, стр. 159—165], а вслед за ними и многих других о «франкском» (европейском) происхождении кубачинцев реальных оснований за собой не имеют.²²

²¹ Каз — головная повязка (см. стр. 52—53).

²² Первые же лингвистические наблюдения, сделанные в 1770 г. И. А. Гюльденштедтом [29, стр. 493], в 1793—1794 гг. П. С. Палласом [68, стр. 421] и в 1807—1808 гг. Ю. Клапротом [48] и доказавшие, что язык кубачинцев есть язык местный, родственный языку соседних горских народов Дагестана, азначительно поколебали версию о якобы европейском происхождении кубачинцев. В первой половине XIX в. ряд авторов высказывается против этой версии. Таковы, например, С. Броневский [23], О. Евещий [38] и др. Но были и продолжавшие ее поддерживать, например, П. Зубов

Впервые с. Кубачи присягнуло на подданство России в 1725 г. вместе с уцмием каракайтским, во владении которого оно тогда состояло. Присяга не оказалась прочной.

В первой половине XIX в. с. Кубачи еще несколько раз вступало в подданство России, пока, наконец, не сделало этого окончательно в 1844 г. События разворачивались следующим образом.

В 1818 г. Ермолов упразднил достоинство уцмий и ввел в Кара-Кайтаг русскую администрацию. В июне 1820 г. кубачинцы «взывали покорность» и обязались вносить в казну ежегодно по 400 червонцев.²³ Обязательство это не было реальным, с. Кубачи его не выполняло, а царская власть еще не могла дотянуть туда рук.²⁴

Однако долго с таким неопределенным положением царская администрация мириться не могла. Через несколько лет царизм пробует применить к некоторым районам Южного Дагестана, в том числе и к с. Кубачи, ту меру, которая раньше была испытанным орудием в руках уцмий (правда, особо чувствительную не столько для самих кубачинцев, сколько для их соседей). Я имею в виду ограничения в использовании зимних пастбищ.

Генерал Граббе писал в 1828 г.: «... у обществ Рутульского и Сюринского, также у жителей города Кубачи предположено, — если они будут продолжать упорствовать в платеже следуемой с них дани, — заарестовать их стада, которые они в зимнее время пасут на низменных местах, прилегающих к морю, и тем повудить их к взносу казенных податей, или же поволнеть таковые продажею самого скота».²⁵

Здесь же генерал Граббе указывает, что он обратился к Аслан-хану казикаухскому, чтобы тот «по влиянию своему на горцев, представляющему ему соседством с ними своим могуществом, — склонил их к повиновению и безотлагательному взносу податей». Вскоре после этого, а именно зимой 1831 г., происходит третья по счету присяга с. Кубачи России.

Однако и на сей раз дело оказалось непрочным. В рапорте генерала Головина от 15 января 1838 г. Чернышеву говорится: «В Дагестане мало племен, нам покорных. Те, которые называются покорными, хотя и быть в союзе с нами, но не в повиновении, и при удачном случае изменяют. Кубачинцы и другие с давних пор отложились от податей, считая себя мирными, когда находят пользу [4, т. IX, документ № 245, стр. 227]». Такова была кубачинская тактика — тактика отсижки в горах и систематического уклонения от уплаты податей.²⁶

Четвертую по счету и окончательную присягу на подданство кубачинцы принесли в июне 1844 г.

[40], отчасти В. Швецов [86] и даже такой поздний автор, как П. Ф. Свирский, публицистика которого в 1903 г. [75, № 15] вызвала по этому поводу критическую рецензию лингвиста А. Дарра [31]. Отметим здесь, что местный уроженец, дагестанский историк 2-й половины XIX в. Гасан Алкадари, лезгин по происхождению, был противником предположения о европейском происхождении кубачинцев [5, стр. 24—25].

²³ «Записки о каракайтском народе, принадлежащем к управлению Дербентской провинцией» от 21 марта 1838 г. [4, т. IX, документ № 278, стр. 310].

²⁴ Состоявшееся примерно в эту пору путешествие по Восточному Кавказу естествоиспытателя Э. Эвхальда (1825—1826 гг.) новых материалов по кубачинцам не привнесло; тем не менее, несколько страниц, посвященных в публикации этого автора «деревне Кубачи», не лишены интереса [96, стр. 139—142].

²⁵ Рапорт генералу Спигатину, который на основании этого рапорта и показаний лазутчиков, в свою очередь, секретным отношением от 28 августа 1828 г. доложил об этом гр. Паскевичу [4, т. VII, документ № 462, стр. 540].

²⁶ О воздействии царских властей на кубачинцев в эту пору имеем интересное показание подполковника генерального штаба Окольного: «в настоящее время ино-

такую отделку идет довольно много труда. После нее фактура сосуда делается однообразно гладкой и чистой.

Между тем подготовлена и разведена краска. Узор наносится при помощи набора маленьких кусочков войлока разной формы: один кусочек зубчатый¹¹ (он применяется для волнообразных линий и параллельных прямых), другой в виде трубочки (для воспроизведения точек), третий в форме полукруга, четвертый вроде трапеции (два последних служат для линейных прямых и кривых элементов узора). Обмакнув нужный кусочек войлока в краску, мастер двигает круг и тем или иным прикосновением к поверхности вращающегося сосуда оставляет на ней те или иные ритмически повторяющиеся мотивы: концентрические пояса различной толщины и с различными интервалами, точки, зигзаги, волнистые линии, запытые, S-образные фигуры и т. п. Орнамент, в отличие от балхарского, элементарен и в своей основе выдерживает принцип симметрии и всегда располагается поясами. С кубачинским художественным стилем он имеет весьма мало точек соприкосновения. В числе сходств все же укажу на наличие в нем фигур, подобных кубачинским вайла-бикь, паранг-бикь и калкьус. В целом — это лаконичный и суховатый примитив. Терминология, относящаяся к орнаменту, здесь, кажется, небогата. Я записал всего несколько слов: качаг (зубчатый узор), туу (узор из косых полос), куд (точечный), кау-кау (крюковой).

Когда узор закончен, гончар снимает кувшин с круга руками. Благодаря тому, что дрице, как мы указывали выше, было присыпано золой, оно без труда отстает от дерева.

Средняя норма продукции одного человека в день — 2—3 кувшина высотой в 60 см.

Сосуды, сошедшие с круга, подвергаются сушке, а затем обжигу. После обжига они из сероватых делаются терракотовыми, причем тон узора становится темнее фона.¹²

Для обжига необходимо подготовить топливо (на печь 20—25 лошадиных выюков дров). Дрова хозяева заготавливают в мае в лесу, а вывозят или переносят их осенью перед сезоном обжига.

Печь входит от 300 до 600 штук посуды. Слабая семья в год наполняет печь 2 раза, более сильная — 3—4. Топка длится непрерывно 2—3 дня, после чего печь, наполненная посудой, замазывается и через 1½—2 дня вскрывается. Несмотря на старый опыт, при обжиге всякий раз надеются на «счастье», и ежегодно, все-таки, до 30—40 «печей» пропадает.¹³

Сулеветская гончарная печь представляет собой сооружение, так сказать, врезанное в склон и видное снаружи главным образом своим аркообразным входным отверстием.

Внутренняя часть имеет два этажа: внизу топка, сверху камера для посуды; между ними горизонтальная решетка; общая высота — около 2,5 м, ширина — 2 м (рис. 77).

Печи и в дореволюционное время считались в Сулевете общественной собственностью. Весь годовой распорядок также издавна строго регламентирован, несмотря на то, что артельных организаций здесь не было. «Все идет у нас по порядку, даже в лес за дровами едут в один день, — говорят старики, — а кто не подчиняется, тот платит штраф (хикъ)». За отказ от уплаты хикъ у непокорного ломают дверь его дома и взимают двойную пеню или реквизируют корову. С угрозами и увещаниями в таких случаях предварительно обращаются к родствен-

никам нарушившего великий устав и в конце концов добиваются своего. В общем традиции крепкие и правила нерушимы.

Обжиг полагалось делать только после севокоса, уборки хлеба и молотьбы, т. е. приблизительно с октября. Сезон действия печей в Сулевете длится месяца три (до начала января). Часть гончаров зимой обычно уезжала после этого в другие места, заниматься там гончарством — в Северный Дагестан на кумыкскую плоскость (Вер. Кавказши, Эндрей-аул), Чечню (Нрус-Мартан, Старый Юрт, Шали), Ингушетию (Писдаг в районе Назрани, Сурхайхот), Северную Осетию (Каряжи близ г. Орджоникидзе — ныне Дзауджикау), Кабарду (Налчик). В мае или к летнему посеву уезжавшие мастера обычно возвращались домой.

Очерченный, как оказывается, весьма широкий, круг действия сулеветских гончаров необходимо будет учитывать при изучении керамических центров Северного Кавказа, где внимательное изыскание, может быть, вскроет в керамике соседних народностей сулеветские вклады. Не исключена также возможность, что где-нибудь из перечисленных территорий в традиции дагестанского (точнее, сулеветского) гончарства, воспринятого местной средой, вскроются стороны и черты, не сохранившиеся на его родине. Это последнее предположение как будто имеет за собой некоторые реальные основания. Дело в том, что кубачинцы среди известных им «антиков» числят особый тип ценной поливной керамики (зеленовато-коричнево-желтой с разводами, напоминающими мрамор), производившейся, по их версии, когда-то в Сулевете. Утверждение совершенно категорическое. В недавно вышедшей книге Э. Кверфельда¹⁴ один из образцов этого пменно типа изделий узором из разноцветных масс. Дагестан, XVIII в. Государственный Эрмитаж». В самом тексте работы специально о данном предмете не говорится, в лишь на стр. 38 имеется на него ссылка, как на пример подглазурной росписи. Сама сулеветцы этой техники сейчас не имеют, но, что чрезвычайно любопытно, поливную посуду (тоже зеленовато-коричневую, однако, несколько иного, более простого облика) делали до недавнего времени в Чечне и некоторых других местах вне Сулеветы. На мой вопрос — а почему не в самом Сулевете, — отвечали: общество не разрешало. Из этого как будто следует, что сулеветские руководящие аульные круги когда-то (думается, весьма давно) наложили запрет по какой-то неизвестной нам причине на одну из разновидностей своего (тогда более богатого) производства, вследствие чего она постепенно забылась, но оставила кое-какие выродившиеся следы на отлете, в данном случае прощупывающиеся в Чечне. Строгость установленной в общественная дисциплина — как раз в духе старых традиций сулеветских гончаров.

Свои изделия мастера Сулеветы сбывали (чаще в обмен на хлеб¹⁵), кроме собственно Даргинской области, в Дербентском и Касумкентском районах, Табасаране, а также в Ахвахском районе и среди лаков.

Ездят мужчины. Товар грузят на лошадей выюками, собравшись группой в 50—60 человек. До Маджалиса двигаются вместе, а дальше разъезжаются в разные стороны. По старому обычаю продавцы сговаривались, назначая точный срок возвращения. Все должны были опять съехаться в Маджалису. Запоздавших надо было подождать или даже отправиться на их розыски. В Сулевете везти полагалось всем вместе. Приехавшие домой раньше, не дожидаясь остальных, подвер-

¹¹ В 2—3—4 зубца и больше.

¹² До обжига соотношение обратное.

¹³ Необходима точная регуляция в определенной интенсивности огня.

¹⁴ Э. К. Кверфельдт. Керамика Елизаветы Востока. Л., 1947. [44]
¹⁵ В 1936 г. я записал: 2 сех пшеницы (около 2,5 кг) за 1 кувшин своего хлеба хватает на 2—3 месяца.

практиковалась до недавнего времени помощь слабым дворам является старым обычаем. Белозадным полагалось давать лошадей для доставки глины и предоставлять печь для обжига в первую очередь.¹⁶ Принести дрова из леса помогали женщины. Заболевшему помогали работой — проанодили за него обжиг, «а то человек пропадет». Такая же помощь существовала в полевых работах. К примеру — в один день мужчины ему выкосят, в другой высушат, а в третий женщины доставят сено на дом.

Остается сказать несколько слов об изделиях сулевкентцев (рис. 9). Более крупные сосуды (высотой в 60—80 см): водоносный кувшин — хунбекан (обычной на Кавказе формы); маслобойка нихра (кувшиноподобный сосуд с ручкой, поставленной в горизонтальной плоскости и с небольшим круглым сточным отверстием под ней); сосуд для хранения соленых овощей — куа (по форме напоминает кувшин, но без горла и без ручки). Другие изделия: азар для молока (род горшка с 2 ручками); кива для пищевых продуктов (тоже род горшка с 2 ручками); кувшины и горшки еще разных размеров и разновидностей; чашка — вак, миска — хата; сито для отжима сыворотки — умдан; светильник — чах (в форме сосуда с сильно вытянутым в сторону горлышком, куда вставляется фитиль, и ручкой с другого бока).¹⁷ Интересен приобретенный мной в 1940 г. в Сулевкенте для Дагестанского музея большой чах (длина около 30 см, высота 15 см). По рассказам местных жителей, такой чах употребляется для приманивания диких уток во время ночной охоты: утки летят на свет, а охотники их бьют палками.

При всей своей простоте и грубоватой строгости сулевкентские изделия в смысле формы своеобразно привлекательны и не лишены вкуса.

Таков этот типичный для Дагестана производственный центр даргинско-кубачинского нагорья.¹⁸ В настоящее время сулевкентцы говорят по-даргински, но с сильной примесью кубачинских слов. По быту были очень близки к кубачинцам¹⁹ и в прошлом, говорят, с этими последними не воевали. Экономка Сулевкента также напоминала Кубачи: для гончаров промысел издавна играл значительную хозяйственную роль.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

КУБАЧИНСКИЕ ПЕСНИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ Л. И. ЖИРКОВЫМ

(В переводе автора по его записям 1924 г.)

Песня 1-я. Ее автор Айша, девушка из Нижнего квартала, спевшая песню лет 45—50 тому назад. В семье соседей Айши было три брата — Хаджи, подросток Хусейн и малолетний Хаджи Али. Мать старшего, когда тот еще был ребенком, сговорила о том, что Айша станет во-

¹⁶ Я видел здесь обжиг в средине июля только потому, что печь было разрешено затопить человеку, не ввешшему лошади и 3 года бывшему в отъезде (в Чечне); в печь он заложил около сотни сосудов; дрова из нарубленного хвороста горели на пороге входного отверстия, огонь сильно тянуло внутрь.

¹⁷ По форме совпадает с кубачинскими медными литыми светильниками.

¹⁸ В 1944 г. жители селения Сулевкент в большинстве переселились в новый район ДАССР.

¹⁹ Вплоть до того, что и у них, как в с. Кубачи, бытовал цыкл гулал ану букон — игра союза неженатых.

«Копышка среди дороги,¹
Без поля сеновал,
Ислезная насечка на двери,²
На очаге огонь из стеблей,³
На огне котел с кашей⁴
Промысловодный⁵ буйвол Хусейн,
Шестилетний Хаджи Али,
Старообразный Хаджи!
Ну, мирская Айша,
Как поступаю я?»⁶

Песня 2-я. Сочинена лет 70—80 тому назад другой Айшой, дочерью Анижи из Нижнего квартала. Эта Айша вела веселую жизнь, хорошо плясала и пела («как артистка», по словам рассказчика), была замужем пять раз. Хаджи Муса сын Махмуда и Хаджи Мурад сын Бабалы (мать его известнее в с. Кубачи, чем отец, почему он и назывался не по отчеству, а по материнству) бесплодно истратили на ухаживание за Айшой 300 рублей. Когда Айша в четвертый раз выходила замуж и ее вели к жениху, кубачинские юноши кричали, что это стыдно, Айша выскочила из толпы спутниц женщин и погналась за парнями. Парни разбежались. И когда Айша в пятый раз выходила замуж, никто уже не решался над ней смеяться.

«На крыше нижней мечети
Поднос и две бутылки:
Одна с водой, другая с вином,
Одна твоя, другая моя.
Сын Махмуда, Хаджи Муса!
Сын Бабалы, Хаджи Мурад!
(слушайте как) спела дочь Анижи Айша».

Песня 3-я. Принадлежит тоже Айше (не тождественной с авторами двух предыдущих песен), дочери Хаджи Кыз (дмя женское). В 1924 г. Айше было около 50-ти лет. Приводимая песня была ею спета после развода.

«Веселей! Веселей!
Я Айша, — (дочь) Хаджи Кыз,
Сестра Кадл-Али.
Я на крыше Мачубы?
Я соседка Абу-Багра.
Я Айша — (дочь) Хаджи Кыз.
Веселей! Веселей!
Узда разорвана.
Вольная я!
Напкан разорван. Свободная я!
Сердце вменящий парень,
Я итти (замуж) готова».

¹ Т. е. в неудобном месте.

² Ирония по поводу железных заплат на двери.

³ Т. е. топливо (сено за немешем дров).

⁴ Признак бедности.

⁵ Т. е. молодой.

⁶ Т. е. выходить ли замуж за Хаджи.

⁷ Мачуба — пещера на горе Кайдегла-мудд и востоку от с. Кубачи. По преданию, на этой горе первоначально жили кубачинцы. На крыше пещеры лежит будто бы такой котел (орудие для уката плоских крыш), что когда его катают, слышен гром в с. Кубачи и даже на приморской полосе в Дербенте.

Песня 4-я. Ее составил в начале XX в. кубачинец по имени Шамхал из разных, сохранившихся в его памяти, других песен. Запись была произведена от Шамхала, который в 1924 г. был уже пожилым человеком.

Желтогая кукушка,
Воды жаждущая,
Сидит на высоком дереве
(И) постоянно кукует.
Девушек нашего селенья
Любезный обнимает,
(А они) все воют,
Гуляют по горам.
Аульные парни
В руках держат чугур.⁸
По переулкам (они) вверх и вниз ходят
«Хайт!» говорят они, «вау», кричат.
Топор лес рубит,
(А) вдовы разоряют селенья.
Хайта! вдовы бахца».⁹

⁸ Чугур (четырёхструнный музыкальный инструмент).

⁹ О белой полоске «бахца» на лбу коровы или лошади говорилось выше (при описании масок).

ЛИТЕРАТУРА

В настоящий список включены работы, на которые имеются в книге ссылки (см. номера в квадратных скобках). Некоторые работы снабжены аннотацией или необходимыми замечаниями. В отношении авторов XVIII в., дававших показания о Кубачи (Гейблера, Вольфа, Палласа, Поттошного, Рейнгеса), в некоторых других мы сочли целесообразным упоминания о соответствующих работах дополнять изложенным содержанием фрагментов, относящихся к Кубачи.

...

1. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. III, изд. 4-е, 1941. См. главу VIII — Образование внутреннего рынка, стр. 485—528, раздел V — Значение окраин. Внутренний или внешний рынок?

2. И. В. Сталин. Съезд народов Дагестана 13 ноября 1920 года. 1) Декларация о советской автономии Дагестана (стр. 394—397); 2) Заключительное слово (стр. 398) (Сочинения, т. IV, М., 1947; впервые опубликовано в газете «Советский Дагестан» № 76 от 17 ноября 1920 г.).

3. Абуладзе и Шанидзе. Албанский алфавит. Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала Академии Наук СССР, IV, Тифлис, 1938.

4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I—XII. Редакция А. Берне. Тифлис, 1866—1904 гг. (Мы использовали некоторые документы VI, VII и IX томов; в остальных томах см. по указателям — «Кубачинцы», «Кубачин»).

5. Аладари Гасани. Асари Дагестан. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 46. Махач-Кала, 1929, стр. 14—193, перевод А. Гасанова. Автор по национальности лезгин. Книга написана в 1891 г. Она представляет собой сводку сведений о Дагестане из арабских, турецких и персидских источников. Вместе с тем автор приводит местные сведения и предания. Стр. 18—19 — о кубачинском языке (говоря о языке с Кубачи, автор между прочим неправильно утверждает, что тот же язык распространен и в Кумухе), стр. 24—25 о происхождении и занятиях кубачинцев.

6. Амиров Гаджи Мурад. Среди горцев Северного Дагестана. Сборник сведений о кавказских горцах (VII, Тифлис, 1873; отд. III, стр. 4—80).

Автор по национальности даргинец, обучался в русской гимназии. Статья, написанная в форме дневника (ее подзаголовок — «из дневника гимназиста»), содержит весьма ценные этнографические записи местного уроженца, вернувшегося по окончании учения в родной аул. Эти материалы рисуют быт даргинцев начала 70-х годов XIX в.

7. Антипин И. Искусство кубачинцев и балхарцев в массы. Дагестанская Правда, № 242, 1936. Корреспонденция из Питнегоска, в которой имеются сведения о творчестве известного кубачинского мастера Абдула Джафля Ибрагимова.

8. Анучин Д. Н. Сообщение о поездке в Дагестан («Древности». Труды Моск. археол. об-ва, т. IX, в. 2 и 3, М., 1883 г., стр. 33—34 — протокол заседания № 199 от 21 сентября 1882 г. о кубачинцах стр. 37—38).

9. Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Известия Императорского русского географического общества, XX, в. 4, СПб., 1884, стр. 357—449. Д. Н. Анучин ездил в 1882 г. на Кавказ в поисках следов палеолита, 111 гл. «Отчет» полностью посвящена материалам посещения с. Кубачи — стр. 401—427; здесь — исторические сведения, ссылки на арабских авторов в Дорва, образцы языка, предания о происхождении и войнах, материалы о каменных рельефах в утвари, некоторые весьма краткие данные о быте и экономике.

10. **Б а л т а з о р и.** Книга завоевания стран. Текст и перевод. Перевод с арабского проф. П. К. Жук. Материалы по истории Азербайджана. вып. III. Баку, 1927. (Автор второй половины IX в. На стр. 7 он сообщает об утверждении сосандидом царем Ануширваном владетеля над «Зардарианом»; на стр. 18 о вступлении арабского полководца Мервана в землю «Зардариан»; владетель которой заключил с ним мирный договор, обещав доставить ежегодно рабов и зерно).
11. **Б а к л а д о в А.-К.** Таджикистан-Иран. Труды Об-ва обследованья и изучення Азербайджана. 4. Баку, 1926. Труд, написанный в первой половине XIX в. на фарси-персидском языке и переведенный самим автором на русский, содержит некоторые сведения о Кубачи: стр. 3— местоположение «Зирех-Геран — Кубечи»; стр. 6— рассказы на М. Рафи о кубачинцах; стр. 13— жители Кубечи, по словам их предков, были греческие и тевуэские торговцы, основавшие здесь свои фабрики; стр. 17— о языке; стр. 34— о переселении в Кайтаг Ануширваном жителей из Гилана и Кашана; стр. 53— о подати по 30 ружей в год, взимаемой с кубачинцев Шахмалом в XV—XVI в. Сам автор в Кубачи не был, вышеупомянутая легенда о происхождении от греков и тевуэцев взята не по первоисточнику, а повторяет литературные версии XVIII в.
12. **Б а к л а д о в Н. Б.** Златокузницы Дагестана. М., 1926 г., стр. 1—67; табл. 1—2; также иллюстрации в тексте; первое детальное описание кубачинских металлообрабатывающих производств, их техники и орнамента.
13. **Б а к л а д о в Н. Б.** Архитектурные памятники Дагестана. Аналемия художества. Научно-исследовательский институт архитектуры. М.—Л., 1935 г. Среди других памятников в книге описаны два кубачинских: а) башня, точное здание «женской мечети», стр. 25—34; б) водоем — стр. 44—47; имеются иллюстрации, чертёж и три таблицы в красках; автор в 1924/25 г. провозводил в Кубачи обмеры памятников; вступительная статья содержит некоторые общие данные об архитектуре Дагестана, примененные в к с. Кубачи.
14. **Б а р т о л д В. В., академик.** Об-е самарандских оссуариях. (Записки Вост. отд. Русского археологического об-ва, XIII, СПб., 1901.) К истории культуры Кубачи статья имеет косвенное отношение, касаясь вопроса о перематках малайзма.
15. **Б а ш к и р о в А. С.** Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931 стр. 1—118; табл. 1—107 в иллюстрации в тексте; о Кубачи собственно стр. 9—68, далее английский перевод, примечания и таблицы. Автор описывает кубачинские рельефы, а также некоторые другие памятники, на табл. 1 интересна фотография 80-х годов XIX в. работы Ровнова с оригинала, хранящегося в Гос. Историческом музее в Москве и изображающая общий вид селения с высокой круглой башней в Берзевем квартале, ныне эта башня, Акайя-кала, сохранила лишь два этажа.
16. **Б а ш к и р о в А. С.** Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. 4. М., 1928. Предварительная публикация тех же рельефов.
17. **Б а ш к и р о в А. С.** Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. 2. М., 1928 (стр. 118—130, табл. X—XII). Описание резных деревянных дверей, датруемых автором периодом XII—XIII вв. и введших, как я показал в главе I, непосредственное отношение к средневековой культуре Кубачи).
18. **Б а ш к и р о в А. С.** Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Корейш. Труды Отделения археологии Института археологии и искусствознания. 1. М., 1926, стр. 54—63, табл. VII—VIII. Описание каменного «саркофагообразного» изгробия, изображенная на котором автор датрует временем — еще позднее конца XII в.; отметил, что культура с. Кала-Корейш входила в состав более широкого комплекса Кубачи.
19. **Б е к к е р А.** Извлечение из его статей, озаглавленное «Полезна Беккера по Южному Дагестану» (Сборник сведений о кавказских горах, IX, Тифлис, 1876, стр. 30—51). Автор — уроженец Саранты, член Московского Об-ва естествоиспытателей; извлечение подписано инициалами Л. З. (Л. П. Загуский); собственно о кубачинцах никаких материалов нет; приводятся здесь ради сопоставления некоторых обрядов с Кубачи с «праздником цветов» в с. Ахты, зафиксированном единственно у этого автора.
20. **Б е р е з и И. Н.** Путешествие по Дагестану в Закавказью. 1849. Автор, профессор Кавказского университета, совершил в 1842—1845 гг. учебное путешествие по странам Ближнего Востока, во время которого посетил Дагестан. В гл. II на стр. 96 говорится о выделке в горах Дагестана всякого рода оружия, преимущественно холодного, частично подделываемого под венецианские; лучшими оружейниками являются кубачинцы. В гл. III на стр. 157—158 также упоминание о кубачинцах о выделке ими оружия и о том, что на обшество Кубачи русскими военными властями наложена ежегодная подать в 1200 рублей серебром. В разделе «Примечания» на стр. 92 в примечании LXXXVIII к стр. 155 гл. III, где дан перечень магалов (участков) Каракайтата, читая выдержку из Витиб Челеби, турецкого путешника XVII в., известного у европейцев под именем Хаджи Хальфи — «Горы, называемые Кайтаг, присоединяются

- к горам кавказ (Кавказу). Кайтаг есть страна, в которой известно главное место Кубачи в крепости Курейш (Кала-Корейш). Кубачи большое селение, населенное и известно, в котором множество узбеков и близкочуждых людей, здесь оказывается большое упоминание узбекам (та же читается в с. Френа). В изданиях 1850 г. на стр. 102—103 восторженное упоминание о знаменитом кубачинском мастере илиновом производстве. Визитом, жившем в первой половине XIX в. («Лучшим мастером илиновалых илиновалых является покойный Баталай отец, место его заступил Баталай сын, живший сначала в Тарку вместе с шахмалом, а ныне переселившийся в Казань»); сведения же о кубачинцах в изданиях этого года отсутствуют.
21. **Б е р ж е А. П.** Этнографическое описание Кавказа. Труды 3-го международного съезда ориенталистов в Петербурге. I. СПб., 1879—1880, стр. 291—320; о кубачинцах конкретных данных нет, перечислены лишь библиография.
22. **Б р а у н е д л (Brackel H.)** Zu näherer Kenntniss der Kabuschaier oder Kubatschaier, eines Kaukasischen Bergvolker wahrscheinlich Germanischen Ursprungs. Dorrafer Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, Jura und Dograt. II, 1837, S. 159—166. Браунедль в первой половине XIX в. служил в Дагестане, затем занимал должность команданта в Нухе. Сообщает сведения о нравах, обычаях и языке кубачинцев. Необходимо отметить, что Браунедль высказывает предположение о европейском, возможно германском (?) происхождении кубачинцев в том самом источнике о европейском, возможно германском или франкомском происхождении данного народа.
- Сведения Браунедля надо сопоставить непосредственно собранные им в Дагестане, привнесенные в штаб Френа и по изложению этого последнего учтены нами. В подлиннике книга нам не была доступна за отсутствием ее в библиотеке г. Москвы.
23. **Б р о н в е с к и й С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. II. М., 1823. Автор — участник персидского похода 1796 г., в 1802 г. состоял в Тифлисе президентом дел при главнокомандующем князе Шипшадзе. В основу труда положены основательные документальные архивные и литературные материалы; кроме того, автор сам собрал на Кавказе сведения по истории и этнографии различных местностей, в с. Кубачи, повидному, не был, но личное общение с кубачинцами мог иметь; стр. 318—328 имеют заголовок «исследование о городе Кубачи»; здесь — сведения из литературы, полный текст справки Виталия о поселении в конце XVIII в. в Кубачи Грабша и Грудя, критика мнения о франкомском происхождении кубачинцев, лживо собранные краткие сведения о постройках, занятиях, религии.
24. **В е й д е б а у м Е.** Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, стр. 111—114. Кратко излагается история вопроса о «франкомском» происхождении кубачинцев; термины «франки» не только «европейцы», но и «католики»; в связи с этим автор приводит некоторые материалы о католической пропаганде в Дагестане в XV в.
25. **В о л ф И.** — состоял в 1722—1724 гг. майором русской службы в прикаспийской зоне Кавказа. С его именем связывается составленное около 1734 г. краткое описание некоторых областей Кавказа (в том числе и Дагестана), содержащее собранные автором на местах сведения географические, этнографические и социально-экономические. «Описание» вошло в состав «Путешествия врача русской государственной службы И. Я. Лерха, совершившего в 40-х годах XVIII в. поездку в Персию при русском посольстве. См. «Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 до 1747 года» (Новые ежемесячные сочинения, часть XII, месяц август 1791 г., СПб., издавал Академия Наук). На стр. 59 И. Я. Лерх пишет: «Я сообщу еще краткое описание о лежащих при Каспийском море от Гилана до Астрахани областях так, как они в 1730 г. находились под российской властью» как майор Волф сообщил мне об оных в 1734 г. в Сузале». Собственно кубачинцам в их соседях в русском переводе этого «Описания» посвящается следующий интересный абзац: «Акушшим (даргинцам) суть между горами живущие татары, которые в 1726 году России присягнули. Они находятся под начальством усмер или Хайтаского дана и имеют много скота. Неподлучше сабли в ружья делаются неподлуче от оных в Кубече. Деревья сия болыаи, жители называются френгами, т. е. франками. Однако не знают своего происхождения. Они также искусные серебряные мастера» (Немецкое название, с которого сделан этот перевод — Magazin für die neue Historie und Geographie, anzel. v. d. Ant. Frid. Büsching, t. X, S. 467—474).
26. **Г а м б а (французский консул в Тифлисе).** Voyage dans la Russie meridionale et particulièrement dans les provinces situées au dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 par chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Avec quatre cartes geographiques. t. II. Paris, 1829, стр. 369—372. Раздел, посвященный кубачинцам, на 4 указанных страницах содержит краткие следующие: В горах имеется два богатых и немалочислительных промышленных селения, жители оных нравами и религией сильно отличаются от соседей. «30 лет тому назад вследствие предположения о происхождении этих селений от коллоны моравских братьев, эти последние отправили туда из Саранты депутатов из трех

человек, который выслышал, что на самом деле такой близости не существует. Промышленники обменивали холодное оружие, изготовление пороха для снабжения всех горцев, производство утюгов, продаваемых другим народам. Машов Дельюэно, добывавший Гамба, был пленником в горах, посетил эти две деревни и не раз с восхищением мне рассказывал об их жителях. Их изделия весьма ценятся всеми народами Кавказа, вследствие чего соседи на них, как на изделий лучших, никогда не нападают. Они занимаются также и сельским хозяйством. В отличие от других народов Кавказа, «привыкших» феодальной строй, «как наиболее подходящий для восточных племен», жители этих двух селений «образовали нечто вроде монархии». Они имеют во главе себя выборного князя, которому не платят никаких податей. При избрании они дают ему клятву следовать за ним в войнах, которые, однако, могут им вестись лишь с согласия народа. Князь Цицпанов был якобы в этих селениях и предлагал пенной руды преимущество перенести жителей «в одну из русских провинций по ту сторону Кавказа», но жители это предложение отклонили. Сообщенные Гамбы имеет ряд ошибок, к числу которых надо отнести: а) неправильную датировку поездки сарептских депутатов Гробиша и Гробиша в Кубачи (она состоялась в 1781—1782 гг.) и неверное указание количества посланных (всехали не три человека, а два, имена которых неизвестны); б) неверные утверждения о том, что кубачинцы будто отличаются от соседей религией и что они будто бы снабжают порохом «всех горцев»; в) неточное определение их общественного строя («выборный князь», о котором говорит Гамба, — очевидно глава группы старшинского управления). Остальные сведения, приводимые автором, верны. Из них наиболее интересными нам представляются следующие: а) утверждение о производстве утюгов на быт соседям (мы уверены, что это относится к гонимому производству суевейцев, в тогда «два селения» Гамбы — это Кубачи и Суевейкент); б) упоминание о сельском хозяйстве, которое мы понимаем как указание на его именно подсобную роль; в) подчеркнутое утверждение об отсутствии у кубачинцев феодальной страны; г) не истощающиеся у других авторов указания на то, что основное производство кубачинцев (отделька оружия) в какой-то мере заинтересовало военную власть русского царства на Кавказе (в лице Цицпанова).

27. Генко А. Н. О названии плуга в северокавказских языках (Доклады Академии Наук СССР, 1930, стр. 128—135).

28. Гербер (Gähler Johann Gustav) — артиллерийский офицер. Был участником так называемого Персидского похода Петра I в 1722 г., по 1724 оставался в Прикаспийских областях Кавказа; по возвращении отсюда в Петербург получил чин полковника и был назначен членом Главной артиллерийской канцелярии. В 1728 г. Гербер составил карту земель и народов западного берега Каспийского моря и написал близко связанную с ней научную работу «Nachrichten von denen an der westlichen Seite der Caspischen See zwischen Astrachan und dem Flusse Kur befindlichen Völkern und Lands. Указанная работа Гербера, выполнявшая по заданию русского правительства, основана преимущественно на собственных наблюдениях и в значительной мере автором на местах, и безусловно представляет интерес как историко-этнографический источник первой трети XVIII в. Сведения о кубачинцах Гербер посвящает три страницы. Впервые они были опубликованы в качестве фрагмента «Nachrichten» под заглавием «Von dem Dorffe Kuleschah auf den Caucasischen Gebirgen» с небольшим предисловием редактора в 1736 г. (Sammlung russischer Geschichte, II, 1, St. — Ph. 1736, S. 1—5). Содержание фрагмента следующее: 1) Общее определение местоположения в кайтагских горах крупного кубачинского поселения, как пункта по условиям рельефа и характеру дорог считается одной из наиболее неприступных местностей; 2) Сведения о религии жителей (ислам суннитского толка) и их языке (не имеем будто бы никакого родства с языками соседей); 3) Предание о европейском происхождении народа (кубачинцы сами называют себя франками и считают, что их предки по каким-то обстоятельствам 1000 лет тому назад переселились на это место и что до того они занимались морской торговлей, были выброшены бурей на берег и, не имея возможности вернуться на родину, остались на Кавказе); 4) Другие легендарные данные по тому же вопросу о происхождении (некоторые, якобы интересующиеся историей, «местные жители», — автором, и сожалевку, иные источники не определены, — утверждают, что несколько столетий тому назад геуэзцы и греки, кроме торговли на Черном и Каспийском морях, имели в горах рудники, добывая серебро, медь и другие металлы, а около рудников — «фабрики», производившие шерстяные и металлические изделия; мастера якобы обучали производству местных жителей; замечательные нашествия чужеземцев — арабов, османов, Чингиз-хана. Битвы в том, вследствие нашествия чужеземцев — арабов, османов, Чингиз-хана, разрушили «фабрики» и рудники были разрушены, мастера же остались и образовали в других, «несудьбинных»). 5) Как бы в развитие последней версии, явно не местно-кубачинской, отделившейся кипчакскими источниками, во Герберу кажутся весьма правдоподобной, — сведения о занятиях современных кубачинцев (изготовление хорошего доподобной, — сведения о изготовлении и холодного оружия, лапшицей, различных изделий из по качеству огнестрельного и холодного оружия, лапшицей, различных изделий из золота и серебра по заказам, такие существование в небольших размерах хлебопашества, садоводства и скотоводства); указания, что основным средством существования рассматриваемого народа является ремесло, широко известное в Персии, Турции и

Крым). 6) Сведения еще о двух моментах производственной деятельности кубачинцев, — литье местных пушек (чтобы предназначавшихся для защиты населения) и чеканке поддельных, во полновешных и имевших видую чеканку, денег (турецких и персидских серебряных монет и русских рублей); сведения о литье пушек во валахот подпольных и в изучавшей нами местной устной традиции, и, следовательно, трудно сказать — имеет ли оно за собой реальное основание; сведения же о чеканке монет местная устная традиция подтверждает рассказами о производстве «антиков». 7) Указания о заботливости и свободолюбии кубачинцев, всегда сохранявших независимость, в об отношении их отношения к соседним феодальным владетелям, — ушмию, шамхалу и др. (тщательное подкрепление нейтралитета, вследствие чего с Кубачи становилось таким местом, куда владетели съезжались для общих совещаний по своим делам и где, как, например, это делал Сурхай-хан казкмукумский, в случае надобности оставляли на хранение свои сокровища). 8) Сведения о неудачной (отраженной кубачинцами) попытке Дауд-бека (политического деятеля первой четверти XVIII в., выходца из Кубачинского ханства и союзника ушмию Кайтагского) вступить на Кубачи с целью грабежа. 9) Сведения о самоуправлении (ежегодное избрание 12 старшин), в коем, вследствие всеобщего равенства жителей, постепенно участвуют все. 10) Указание, что в 1725 г. кубачинские старшины вместе с ушмием номинально подчинялись русской власти.

Вслед за фрагментом из Гербера на стр. 6—22 помещена статья академика Байера «Anmerkungen über den Ursprung der Kuleschaher und über den Handel der Gelmeher auf dem Schwarzen Meer», которая поддерживает мнение Гербера о геуэзском происхождении кубачинцев, но конкретных материалов по этому вопросу не приводит.

Русский перевод Гербера см. в «Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих», изд. Ак. Наук, СПб., 1790 г., июль — октябрь; также «Историко-географические заметки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским», перевод Шишневича, СПб., 1810 г. Подробные библиографические данные и другие сведения о Гербере см. у М. А. Полевикова «Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу», Тифлис, 1935 г., стр. 111—114. Нельзя не отметить, что «кубачинский аспект» Гербера, несмотря на краткость, чрезвычайно интересен. По его поводу можно сделать несколько замечаний. Наиболее уязвимыми являются Гербером в довольно осторожной форме, но у ряда последующих авторов ставшие без достаточных оснований более решительными. Указание, что кубачинцы сами себя считают происходившими от франков, у автора первой трети XVIII в. конечно обращает на себя внимание и вызывает некоторые соображения. К сожалению, однако, Гербер по существу самую легенду не излагает, Версия же о геуэзских связях безусловно не народная; откуда ее почерпнул Гербер — к сожалению не указано. Почти все отдельные показания нашего автора, порой чрезвычайно любопытные, особых оговорок не вызывают за исключением речи о садоводстве в «долинах» (в окрестностях Кубачи нет долин и садов). Представляется несомненным, что Гербер большую часть сведений о Кубачи черпал из достоверных источников (повидному, из уст кубачинцев), а может быть и сам в короткое время посетил Кубачи.

29. Гюльденштедт И.-А., — академик (по специальности натуралист), участник экспедиции Российской Академии Наук в 1768—1774 гг. по обследованию Кавказа и юго-восточных областей Европейской России. В 1770 г. был в Дагестане. Главный его труд опубликован в редакции академика П. С. Палласа «Güldenstedt's Reisen durch Russland und Caucasischen Gegend. I—II, S. — Ph. 1787, 1791 (в русском переводе — извлечение К. Германа — «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия академика И.-А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1774 гг.», СПб., 1809 г., раздел о Дагестане на стр. 115—134). Из «больших» сведений о Кубачи или о кубачинцах (на стр. 482—493 тома I публикации на немецком языке) следуют следующие: а) кубачинцы живут в Лезгистане (Дагестане) «по Койсу» и «далее вниз к Тарку» (из этого неправомерного географического определения вытекает, что автор во время своего путешествия Кубачи не посетил); б) численность кубачинцев 1000 семейств; они получили ушмию в частности шамхалу (это последнее утверждение — неточность, очевидно связанная с вышеприведенной географической неточностью); в) говорят на особом «диалекте» входящем в число прочих «лезгинских» и отличающемся от близкого к нему диалекта Алушты (т. е. даргинского), — первый в весьма ценный вывод о языке кубачинцев, как языке чисто местном (по современному — «фетическому», родственному даргинскому, основанный на наблюдениях И.-А. Гюльденштедта, почерпнутый из непосредственного общения с кубачинцами (правда, не в самом ауле Кубачи); г) в Кубачи, якобы, не только ведется добыча руды, но есть и плавильни, которые могут не превратить в «благородный металл» (показание — не истинное у других авторов; повидному, его следует принимать ограниченно — лишь в смысле наличия у кубачинцев литейного производства).

30. Дербент-И-аме — публикация под заглавием «Тарих Дербент-И-аме»

9-ю приложениями. Перевод под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 1—192 (критическую рецензию об этом издании см. «Кавказ» № 284, 1898 г.). В гл. I памятник приводится по перепи султана Егусуйского, составленной на азербайджанском языке; к упомянутому в Кубачи редактор дает обширное примечание, стр. 57—61, уделяя внимание все той же «франкской легенде» и приводя некоторые свои материалы; о якобы первоначальном поселении кубачинцев близ Дербента на местах современных селений Кемах и Дарша, о родословной грузинских князей Чолокшавили, якобы происходивших от гегузинов, переселившихся в Дагестан; термины «капачи» — «кубачи» переводчик объясняет с названием гегузицкого поселения Копа в Кубанской области, признавая, однако, что вопрос о происхождении кубачинцев еще не решен; приводимое им толкование самоназвания кубачинцев из аварского ошибочно; в I-м приложении помещен перевод Д.-Наме по извлечению Клапрота; в приложении 9-м переписки Мухаммеда Рафи в переводе на русский язык П. К. Услара (см. по нашему списку № 59). Научная публикация Дербент-Наме принадлежит известному нашему ориенталисту профессору Казем-Беку — *Derbent-Naméh*. Translated from a select turkish version and published with the Texts and with Notes, illustrative of the History, Geography, Antiquities etc. etc. occurring throughout the Work, by Mirza A. Kasem-Beg, St.-Petersburg, 1861 (текст, английский перевод, примечания; кроме того, французский перевод повлечения из Дербент-Наме, сделанный Клапротом, и другие приложения, в том числе Мухаммед Рафи).

31. Д и р р А. Энекурсия по Дагеставу. Кубачи. (Кавказ, № 187). Тифлис, 1903 г. Polemica со Свидерским по вопросу о «франках»; описание пути и некоторые очень краткие этнографические заметки — вид селения, типы жителей, костюм, язык.

32. Д и р р А. Заметки о татуировке в Дагестане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 44, Тифлис, 1915.

33. Д о р н Б. А., академик. Отчет об учебном путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1861. Рассказ о поездке в Кубачи в 1861 г.; копирование надписей и зарисовки рельефов (стр. 31—34); в Кубачи зафиксировано 32 арабских надписи, самые ранние — первой половины XV в.; на отдельной таблице рисунок общего вида с. Кубачи (стр. 64—65).

34. Д о р н Б. А. Наспий. СПб., 1875. Стр. 476—477 об арабских надписях в Кубачи; стр. 529 — о дани Баку от хазар, Рен и «Зиргерранов».

35. Д о р н Б. А. Atlas к путешествию по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. Изд. Русск. Археол. Об-ва. Предисловие Розена. СПб., 1895 г. Первая публикация некоторых зарисованных кубачинских рельефов и мусульманских надписей (табл. 14—18).

36. Д о р н Б. А. Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusi's Nachrichten über diesen Volksstamm. Von B. Dorn. Lu le 3 octobre 1872 (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, tome XVIII, N 3, feuilles 16—21, 1873, стр. 321—336 (то же см. Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Ph., tome VI, livraison 6, St.-Petersbourg, 1873, стр. 717—740). Данная работа содержит: а) вступительную часть; б) «Свободный перевод» статьи артиллерийского лейтенанта П. Петухова, сопроводившего Б. А. Дорна при поездке в Кубачи, напечатанной в № 86—87 газеты «Кавказ» за 1866 г. (см. по нашему списку № 69); в) небольшой материал по кубачинскому языку, подтверждающий то, что этот язык является одним из местных «легионских».

37. Д о р н Б. А. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. Geographica enthaltend Auszüge aus Istachry (persische Uebersetzung), Sakariya Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Rasy—von B. Dorn (Memoires de l'Académie impériale des Sciences de Saint-Petersbourg, VI serie Sciences politiques, histoire, philologie. Tome septieme. S.-Ph., 1877). О кубачинцах сообщаются сведения из книги «Семь климатов» — Амина Ахмеда Раза, написанной в 1010 (=1601) г. — Рукопись Азиатского Музея 1247 (=1831) г. — а) их наружность (высокий рост, широкое лицо, голубые глаза), б) их производство (изготовленные панцирей), в) строгое почитание ими обычаев гостеприимства и кузначества, г) их религия теперь, как указывает Раза — ислам, а раньше «не была никакой религии» (приведено показание о маذهвистском погребальном обряде, замствованное у Андлузи).

38. Е в е п к и й О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. Составлено по приказанию главнокомандующего Паскевича по официальным материалам и литературным источникам; о кубачинцах см. стр. 25, 30, 68, 69, 91, 106, 107, 222, 223, 230 — мелкие упоминания; стр. 231 — о занятиях в происхождении.

39. Ж и р к о в Л. И. Язык аула Кубачи. Уч. записки Института этнических и национальных культур народов Востока, I, М., 1930, стр. 255—281. Общие сведения о Кубачи; вопрос о возможности сближения самоназвания кубачинцев с различными формами племенных названий албан; первый лингвистический очерк кубачинского языка; фольклорные тексты с переводом и комментариями; топонимика.

40. З у б о в Платон. Картина Закавказского Края, принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении; часть III. СПб., 1835. Автор долго жил в Закавказье; при составлении труда имел «собственные местные наблюдения и сведения» и пользовался «всемя источниками при помощи здравой критики»; основной интерес автора — успехи русской колонизаторской политики, понимаемой в духе высказываний министра Канкрина; в Кубачи, очевидно, не был, но сообщает на стр. 254—255 некоторые сведения в разделе «особых достопримечательностей» — о географическом положении, постройках, управлении наследственными старшинами, зависимости от умия и др.; сведения в общем не вполне точные.

41. З и ч е н (Zichy). Voyages au Caucase et an Asie centrale, I—II. Budapest, 1897. См. на табл. XCIV и XCV кубачинские котлы, изготовленные в XIX в. с орнаментацией по внешней стороне корпуса и по борту.

42. Институт дагеставской культуры. Бюллетень I. Махач-Кала, 1930, стр. 20. Сведения о работах И. А. Орбели и К. В. Тревер по языковым в с. Кубачи, связанным с вопросом об изучении памятников «албанской культуры» — бронзовых котлов и каменных рельефов.

43. К а р а у л о в. Сведения арабских писателей о Кавказе. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 29, 1901 и т. 38, 1908 г., Тифлис. Караулов — переводчик и комментатор; о кубачинцах в 29 т., на стр. 15 из Ал. Истахрия, в 38 т., на стр. 52 из Масуди.

44. К е р ф е л д Э. К. Керамика Ближнего Востока. Изд. Эрмитажа, Л., 1947. Гл. XIII, стр. 124—132, озаглавлена «Керамика Кубачи»; речь идет о провинции Кермане, в большом количестве находящейся в жилищах кубачинцев в числе «антиков» и известной в науке под условным наименованием — «кубачи»; автор на стр. 124—125 дает и некоторые очень краткие сведения о кубачинцах.

45. К л а п р о т Ю. (Klaproth Julius) состоял адъюнктом Российской Академии Наук и в 1807—1808 гг. совершил по поручению Академии путешествие на Кавказ, где провел лингвистические изыскания, в результате чего выпустил сочинение *Reise in den Kaukasus*, I—II. Halle, 1812—1814, а также — проверил по рукописям, обработал, снабдил примечаниями относящиеся в Кавказу части труда И. Гюльденштедта (см. по данному списку № 29) и опубликовал их: а) *Klaproth J. Dr. J.—A. Guldenschtedt's Reisen nach Georgien und Imerethi*, Berlin, 1815; б) *Klaproth K. Beschreibung der Kaukasischen Länder*, Berlin, 1804.

46. К л а п р о т Ю. (Klaproth J.) *Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspius und Schwarzen Meere*. Berlin, 1814. О кубачинцах см. стр. 126—134. В этой работе автор объединил материалы, собранные им самим в Дагестане, с материалами, почерпнутыми из литературных источников (у Рейнегуса, Потомого и др.). Надо полагать, что сам автор в ауле Кубачи не был, но с кубачинцами имел «общение».

47. К л а п р о т Ю. (Klaproth J.) *Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi*, Kur und dem Kaspiischen Meere. Weimar, 1814. Стр. 84—111 — Дербент-Наме; стр. 139—143 сведения о кубачинцах (в главе «Lesghiers»).

48. К л а п р о т Ю. (Klaproth J.) *Kaukasische Sprachen*. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle und Berlin, 1814. Имеются материалы по кубачинскому языку, который включается автором в классификационную таблицу языков главных диалектов Загистана (т. е. дагестанских «фетических языков»). В отношении языка кубачинцев Ю. Клапрот продолжает и углубляет лингвистическую студию П. С. Палласа.

49. К л а п р о т Ю. (Klaproth J.) *Asia polyglotta*. Paris, 1823. Есть материалы по кубачинскому языку.

50. К о м а р о в А. В. Список населенных мест Дагеставской области. Сборник статистических сведений о Кавказе, изд. Кавк. отд. Русск. геогр. об-ва, I, Тифлис, 1869. Автор — член Русск. геогр. об-ва, долго состоял на административной работе на Кавказе и собрал много этнографических материалов; о Кубачи — типовые данные, наименование, легенды о «франкском происхождении» и др.; в указании количества жителей есть некоторые противоречия.

51. К о м а р о в А. В. Алаты и судопроизводство по ним. Сборник сведений о кавказских горах, I, Тифлис, 1868. На стр. 80—88 приводятся постановления Русско-кавказского арского, по которым видно, что в Южном Дагестане в том числе на территории кубачинско-дагестанского нагорья в XVII в. существовала домашняя выделка тканей из шерсти.

52. К о м а р о в А. В. Народонаселение Дагеставской Области с этнографической картой. Записки Кавк. отд. Русск. геогр. об-ва, VIII, Тифлис, 1873. На стр. 18—19 о Кубачи — происхождение, занятия, одежда, памятники постройки; членство — явно преумеренная.

53. К о с е в М. О. Пережитки матриархата у народов Кавказа. Сов. Этнограф., 4—5, 1936.

4. Ибрагимовская В. А. Из этнографических мотивов мечети в ауле Кубачи. Сб. памяти акад. Н. Я. Марра. Из-д. языка и мышления. М.—Л., 1938. На стр. 352—357 разбор писем на архивные одного из четырех тимпанов, имеющих надписи в восточных углах стены здания Хунало-мечети в Кубачи; разбираемый автором «тимпан с бордами» хранится в Эрмитаже; главные выводы — стр. 355—«исполнителем даовой надписи были немцы правая арабская письменность относительно соединения букв», он «копировал, не понимая букв и заботясь прежде всего о внешнем эффекте»; стр. 357—«детальный анализ надписи... которая по форме первого каф с типичным для восточного штифта сверху направо может быть отнесена к середине XIII века, дает возможность уточнить датировку скульптурной декорации мечети Хунала в ауле Кубачи».

55. Лившиц С. Д. Историко-этнографические очерки Шатаха. Известия Кавказского историко-археологического ин-та, V, Тифлис 1927, стр. 79—82. «О соотношении «свистящих» в Шатахе».

56. Лойко А. П. Ковровый промысел в Кубинском уезде. Кустарная промышленность на Кавказе. I. Тифлис, 1902, стр. 1—71. Небесполезно для сравнения с ткачеством, существующим на территории кубачинско-дагестанского нагорья.

57. М а р г г р а ф. Очерк кустарных промыслов Сев. Кавказа. М., 1882, стр. 204—227. О металлических изделиях в том числе немногих об изделиях Кубачи.

58. М о в ч а в Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа. Сов. Этнография, 4, 1947, стр. 187—195. Некоторые мотивы для проводимых вами параллелей касательно построек с Кубачи.

59. М у х а м е д Р а ф. Публикация под заглавием «Извлечения из истории Дагестана» с предисловием П. Услара. Сборник сведений о кавказских горцах, V, Тифлис, 1871, стр. 1—30. Текст русского перевода; вступление и комментарий; есть сведения о Кубачи.

60. Н е в е р о в с к и й. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния деггенов на Закавказье, СПб., 1848. Автор — подполковник, служивший на Кавказе; о Кубачи лишь в примечаниях на стр. 14—15—общие сведения в указание, что кубачинцы «всегда записали права с упорством в мужеством и не были никем покорены в полном смысле этого слова».

61. Н и к о л ь с к и й З. А. Из истории аварских жилищ. Сов. Этнография, 2, 1947.

62. О н о л ь н и ч и й. Перечень последних военных событий в Дагестане (1843). Военный сборник, № 2, том V, 1859. (Автор — подполковник ген. штаба; на стр. 155—156 о Кубачи — численность, управление старшинами, занятия, уплата податей.)

63. О м а р о в А б д у л л а. Как живут ланки. Сборник сведений о кавказских горцах, III и IV. Тифлис, 1870 (стр. 1—46 в томе III и стр. 1—24 в томе IV).

64. О р б е л и И. А., академик. Временная выставка сасанидских древностей. Эрмитаж, 1922, стр. 14. Описание бронзовых котлов — прототипов современных кубачинских.

65. О р б е л и И. А. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Памятники эпохи Руставели, Л., 1939, стр. 301—326. Работа посвящена каменным рельефам Кубачи и близко связанным с ними бронзовым котлам.

66. О р б е л и И. А. и Т р е в е р К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935 (некоторые таблицы важны для сопоставлений с искусством Кубачи).

67. d'O u s s o n. Des peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans le dixième siècle, ou voyage d'Abou-el-Cosim. Paris, 1828. Показание арабских писателей IX—X вв. О Кавказе в форме повествования Абу-эль-Касима, фактивного посла калифа к болгарскому царю в 948 г.

68. П а л л а с П. С., академик (по специальности натуралист), участник двух научных экспедиций на Кавказ в 1768—1774 гг. и в 1793—1794 гг.— P a l l a s P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in Jahren 1793 und 1794, Leipzig, 1799. Упоминание о Кубачи см. на стр. 419—421. Здесь П. С. Паллас предварительно замечает, что решается уделить внимание кубачинам в силу того, что ему удалось собрать материалы по их языку, каковыми не располагали предыдущие авторы (И. А. Гюльденштедт, Я. Рейнелс и др.). Далее он говорит, «предполагалось, что жители города Кубачи происходят от франков (может быть, от генуэзцев в венецианцев); однако я сам встретил одного кубачинца и записал от него некоторое количество слов на кубачинском языке; из этих слов ясно, что кубачинский язык имеет общность с языками ануштинцев (т. е. даргинцев) в отчасти казачкумучи». В заключение данного раздела автор приводит словарь, содержащий 39 слов на кубачинском языке. Ценность этого ваясания в том, что П. С. Паллас подчеркнул конкретные лингвистическим материалом вывод о кубачинском языке, сделанный И. А. Гюльденштедтом (см. по нашему списку № 29).

69. П е т у х о в П. Кубачинское племя. Газета «Кавказ», 1866, № 86—87. Автор, офицер кавказской службы в 1861 г., участвовал в работах академика Б. Дюва в Кубачи; в Кубачи был несколько раз в составил ценные этнографические очерки, в том

числе записал предания, дал некоторые общие сведения, материалы о постройках, занятиях, женском быте и др.

70. П е т у х о в П. Очерки Кайтаго-Табасаранского округа. Газета «Кавказ», 1867, № 7, 13, 15, 16 (есть сведения о кубачинцах).

71. П и р а л о в. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, СПб., 1913.

72. Подробное описание Персии... также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России, II, М., 1829, стр. 33. Небольшое упоминание о «Кубачша» с ошибками.

73. П о т о ц к и й И., почетный член Российской Академии Наук; в 1797 г. совершил путешествие по Кавказу и составил описание этой поездки, позже опубликованное Ю. Кларпротом — J e a n P o t o c k i. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et de tables par Klaproth. Tome second, Paris, 1829, см. стр. 106—113, 116—117. Содержание:

- 1) Автор сообщает, что ему обещали устроить свидание для беседы с «гражданином республике Кубачи или Кубеч», но он мало верит этому, так как кубачинцы якобы редко покидают свою страну.
- 2) Автор указывает далее, что брат его хозяина, некий Павел Калустов, был в Кубачи, и со слов этого осведомителя приводит некоторые данные о кубачинцах: а) они считают себя происходящими от «франков», но остаются загадочными и весьма вежливо говорят о себе; тем не менее их можно посетить; в) в с. Кубачи бываю хорошо приняты торговцы; князя при неудачах также находят там пристанище для себя и для сохранения своих ценностей; г) кубачинцы никогда не были зависимы от других народов Кавказа; д) главная их торговля ведется с Ганджей и столицей Карабаха Шушей, куда она поставляют огнестрельное оружие, вмещающее спрос по всей Персии; е) на некоторых домах в с. Кубачи Калустов видел изображения животных и старинные надписи; кроме того, ему там рассказали, что один приверженец «старой религии», жена которого недавно умерла, долго жил в горах, не желая принимать магометанство.
- 3) Автор проводит свое собственное мнение по вопросу о происхождении кубачинцев: небольшой материал сравнительного (кубачинско-ануштинского) словаря Палласа (см. по нашему списку № 68) представляет лишь «лезгинский диалект», так что совершенно очевидно, что кубачинцы — народ, не чуждый Кавказу; при этом, однако, возможно, что действительно в их селение были занесены пришлыми генуэзцами индустрия и ремесла.
- 4) Далее автор уделяет внимание сведениям о поездке в Кубачи Грабша в Грузию в самом материалах этой поездки, состоявшейся, как он пишет, «двадцать лет тому назад» (фактически — 15, так как путешествие морских братьев из Сарепты в Кубачи состоялась в 1781 г.):
 - а) поездка, по словам автора, не дала никаких результатов, и «село селения Кубачи» быстро избавился от путешественников, которым было заявлено, что «граждане этого города занимают исключительно ремеслом, а не сельским хозяйством, и потому не имеют лишнего хлеба, чтобы кормить любопытных иностранцев»;
 - б) позднее, как вслед за тем пишет автор, ему было доставлено из Сарепты письмо М. Виганда от 5 мая 1805 года с описаньем поездки Грабша и Грузия (ср. с № 23 по нашему списку);
 - в) основные материалы, приводимые в письме М. Виганда, сводятся к вложению Потопного к с-дующему: 1) Грабш хорошо владел татарским; он в Грузию покинул Сарепту в ноябре 1781 г. и 7 марта 1782 г. прибыл в Берджей, где нашли умиля Кайтакского. Умиль взял их в свою резиденцию Башли и оттуда направил с проводниками в Кубачи к своему куваку Махмуду. Этот последний принял их по всем правилам гостеприимства. 2) Братья, которые предполагали встретить тут своих соотечественников христиан, вскоре убедились, что жители «этого города» мусульмане. Все же ими было сделано все возможное чтобы собрать сведения о происхождении кубачинцев, об их обычаях, языке и книгах. Они обнаруживали остатки трех церквей; на двери одной из них — надпись, которую прочесть не удалось; разобрана была лишь дата — 1215 — сделанная арабскими цифрами; рядом с этой церковью — другая высокая, в 5 этажей, используемая под жилищем, но подожженным расшифровке. Жители Кубачи не имеют ни старых книг, ни других письменных документов; для писания на своем языке или «на татарском» они пользуются арабским алфавитом. 3) Никаких удовлетворительных сведений о своем происхождении кубачинцы дать не могли. Она заявила лишь, что более 300 лет тому назад были христианами. 4) «Город Кубачи» расположен в узкой долине, окруженной горами. В нем до 300 домов, спускавшихся по склону ступенями или террасами. Улиц нет. На некотором расстоянии от «города» находится сопка со стадами овец. Мужчины — оружейники. «Город Кубачи» состоит в некоторой зависимости от умиль. 5) Жители управляются советом, возглавляемым четверью старшинами и избираемым ежегодно. Выбор происходит так, что каждый отец семейства имеет свою очередь в совете. 6) Грабш и Грузия после шестидневного пребывания

ни покинула Кубачи 17 марта 1782 г. и через Дербент, Шемаху и Тифлис возвратилась в Саренту, куда прибыла летом того же 1782 г.

3) Автор сообщает, что состоялось его знакомство с кубачинцем, точнее — жителем одного из восьми селений, расположенных вокруг Кубачи и имеющих тот же язык (по имени Мусса бен Абмедом из селения Souterkalla). К сожалению, почти никаких конкретных материалов, помещенных у этого исследователя. Полюшка не приводит. Он говорит лишь о трудности фонетичи кубачинского языка (в чем убедился при записи словарного материала) и перечисляет упомянутые выше 8 селений: жители Kotschokalla, Orvalla, Soralla, Nakhkalla (селения эти неизвестны, никому ничего не платят); другие дела между ними разбирает мулла).

4) Рейс в е г т е Я. — в образовании мекки, был на Кавказе в 1778—1783 гг., состоял сперва на службе у турецкого паша Ираклия II, потом у Г. А. Потемкина. Основное сочинение около 1786 г. было поднесено Я. Рейнхетом Г. А. Потемкину. Оно было опубликовано после смерти автора в 1796 г., несправно по другой, очевидно, черновой рукописи. J a s o b R e i n h e t t e s Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von Friedrich Enoch Schoder. Erster Theil. Gotha und St.-Ph. Gerstenberg and Dittmar, 1796. О Кубачи стр. 107—110.

5) Общие доступные сведения (местоположение, численность, наименование, древнейшее обитание на Кавказе, резкое отличие от других народов Кавказа). Численность, определяемая цифрой «1200 семейств», дает (если в среднем на 4 семьи считать 6—7 человек) общий итог от 7 до 8½ тыс. человек, поведомству автор имеет в виду не только с. Кубачи, но и некоторые ближайшие населенные пункты. Само название кубачинцев автору неизвестно. Старейшее персидское наименование их автор передает в искаженной форме и в произвольном переводе («Зеркувало, жители золотых гор»). Древнейшее обитание на Кавказе автор связывает с историей Дербента (без ссылки на какой-либо определенный источник), — поведомству, с эпохой Хосроя I Ануширвана (VI в. н. э.).

6) О европейском происхождении кубачинцев. Говоря о существовании такого мнения, автор, однако, указывает, что кубачинский язык не имеет ничего общего с языками народов Европы. Вместе с тем, очевидно по незнанию кубачинского языка и его связь с языками соседних дригидов и кайтаксов, автор безогорочно утверждает, что язык этот стоит на Кавказе особняком.

7) Об отличии культуры Кубачи от культуры других народов Кавказа (общая фраза об отличии в нравах и обычаях; обладание разными положительными качествами, как честность, правдивость; наличие большого общественного порядка; прием от соседних князей на хранение пенностей, остающихся всегда неприкосновенными; характер домов (мешков 2—3 этажа и в конструкции — факверки), чистота и нарядность жилищ, утвари, одежды; пользование по-европейски столами, стульями, кроватями и т. п.; свая — обладание положительными качествами — вежливостью, трудолюбием, деловитостью; зажиточность кубачинцев; знание персидского языка; ум и начетливость женщин). Из приведенного перечня видно, что правильная мысль автора о своеобразии в особенностях культуры Кубачи иллюстрируется, с одной стороны, слишком общими утверждениями и нечетким качеством, с другой стороны, действительно примечательными сведениями (о хранении чужих пенностей, богатстве одежды, утвари и жилищ, зажиточности, знании персидского языка, общественном развитии женщин). Надо отметить при этом, что автор в довольно странных выражениях говорит об особенностях обстановки кубачинских жилищ, действительно обладавших безурядными особенностями и весьма значительным богатством художественных ценностей. Это, думается мне, признак того, что в самом с. Кубачи Рейнхетт не был.

8) О занятиях (торговля, изготовление оружия, золотушество, широкый сбыт изделий, производство женщинами золотых вышивок, ковров, войлочных изделий). Указанные данные являются в большинстве очень ценными показателями. Неточно утверждение о производстве кубачинскими женщинами ковров, войлоков и т. п. Этим делом занимались преимущественно в даргинских и кайтакских селениях, а кубачинцы занимались лишь сбытом шерстяных изделий, в силу этого в продаже вышлись как «кубачинские».

9) О сельском хозяйстве, как о судя по подобному занятию кубачинцев. Это весьма интересное, близкое к истине и достаточно подробное показание.

10) О привитой кубачинцам политике нейтралитета в отношениях с соседями. О храбрости и бдительности в защите своих владений в отроге Надир-шагу. Тоже чрезвычайно ценные и заслуживающие доверия сведения.

11) О большом патристичном селении, где кубачинцы ведут обшчно различные торговые и иные дела с чужими. Можно думать, что речь идет о даргинском селении Уркарах, ныне районном центре Дагестанского района ДАССР.

12) О братском запрете (не смешиваться браком с другими народами) и о патристичестве (стремление кубачинских купцов и возвращением на родину).

13) Свая упоминание о богатстве Кубачи.

10) Об ущемлении (наличие общественной казны, 12 пожизненных старейшин, наличие большой общественной дисциплины). Все это ценные показания.

11) О некоторых особенностях кубачинского мушкетерства и правил брака и развода. О побочных обычаях. О своеобразии обычных повеселих адв (измена имела право под покровом ночи, «с закрытым лицом» соединяться за свет общности). Все эти данные чрезвычайно интересны, хотя в отдельных деталях неточны.

В целом следует признать, что показания Рейнхетта о Кубачи очень ценны. Рейнхетт, надо думать, сам в с. Кубачи не был, но черпал свои сведения из уст кубачинцев в Дагестане. В начале XX в. был найден первый (системный) экземпляр рукописи Я. Рейнхетта, неопубликованной (см. Историческое Обозрение, XX, П., 1915 г., стр. 142—143 в протокола 56-го заседания секции русской истории от 25 сентября 1913 года Исторического общества при Петроградском университете).

В оценке Рейнхетта мнения расходятся. Академик В. В. Бартольд, например, считал труд этого автора ценным источником (см. упомянутый протокол Исторического Обозрения). Известный кавказовед Е. Г. Вейсбаум стоял на другой точке зрения и следующим образом отзывался о книге Рейнхетта: «В оставленном описании Кавказа любопытные сведения перемешаны с ошибочными и умыленно ложными показаниями». (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XX, Тифлис, 1894. Приложение, стр. 6.) Можно предполагать, что репутация Рейнхетта пострадала не совсем справедливым списком, с которого было сделано издание.

75. С в и д е р с к и й П. Ф. В Дагестане, Кубачи и кубачинцы. «Кавказ», Тифлис, 1903, № 15, 29, 31 (автор — врач, антрополог); № 15 — «французское происхождение», описание дороги из Дербента; № 29 — «осмотр аула»; № 31 — высказывания за то, что кубачинцы происходят от «франков».

76. С в и д е р с к и й П. Ф. К антропологии кайтакцев и кубачинцев. Труды Антропологического общества при Военно-медицинской академии за 1888—1889 г., V, СПб., 1901, стр. 131—133 и табл.

77. С т е р в а в о в П. Пять месяцев в Дагестане. «Кавказ», 1862, № 13. Очень кратко о производстве оружия кубачинцами и кумуками.

78. Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в Тифлисе, Тифлис, 1902. Сведения о Кубачи в вложении доклада Е. И. Колубенко, стр. 70—72 и в вложении доклада В. К. Зиглевичского, на стр. 193, также на стр. 190—191.

79. У в а р о в Кургуны с расчленениями близ Дербента. Труды 5-го археологического съезда в Тифлисе, М., 1887, стр. 61—75. К вопросу, затронутому в указанной выше статье В. В. Бартольда, по нашему списку № 14.

80. У с л а р П. К. Этнография Кавказа. Языковедение. V. Хюринский язык. Тифлис, 1892. Первое исследование, посвященное изучению даргинского языка, выполненное П. К. Усларом в 1869—1867 гг. Научни даргинский язык по речи населения аула Уркара или Хюркка, П. К. Услар назвал его в заглавии своей книги «хюркилинским».

81. Ф а т у е в Р. Художественные ремесла аула Кубачи. Революция и национальность, 1936, № 6, стр. 58—64.

82. Ф а т у е в Р. Кубачи. Наши достижения, 1935, № 5—6, стр. 174—188. Очерк с опытами и неточностями.

83. Ф р е н а Х. Д., академик. О народе кавказском Кубачи. Журнал Мин. Нар. Просв., август 1840 г., стр. 87—107. Географическое положение, наименование, сведения из восточных источников и писателей XVIII и XIX вв.; автор в Кубачи сам не был, он выражал желание получить в Кубачи отписку с надписью на камнях для изучения.

Эта небольшая работа академика Х. Д. Френа является, как мы указывали в предисловии, чрезвычайно ценной научной сводкой сведений о Кубачи, помещенных в большом количестве источниках.

84. Ч е н е л е в В. Н. Салт Магомедов из Кубачи. «Творчество», 1939, № 11, стр. 12. О художественных занятиях мастера.

85. Ч и т а в Г. С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. Сочинения Академии Наук Груз. ССР, II, № 3, стр. 293—299, № 4, стр. 373—378. Тбилиси, 1941.

86. Ш в а л л и н г В. Очерк о кавказских горских племенах. Москвитинка, № 23 в № 24, кв. 1—2, декабрь, 1833 г. (О Кубачи: стр. 9—10 — о происхождении, занятиях, нужности и языке; стр. 17 — о том, что «Кубачи по преданиям, сохранившимся между ними, считают себя выходцами из Аугсбурга» (1)).

87. Ш в а л л и н г Е. М. Кубачинские чертешки, гравировки, дуги. Народное искусство СССР в художестве, промышлен. 1. М., 1940 (стр. 43—45, табл. 88, 89).

88. Ш в а л л и н г Е. М. Кубачи. Питирогск, 1937, стр. 1—130 с вкл.

89. Ш в а л л и н г Е. М. Дагестанские кустари. Центр Музей Народноискусств, М., 1936, стр. 1—46.

Вступительное замечание	145
Пережитки мужских союзов	147
Общественные институты «батырты» и «чпы»	172
Пережитки матриархата	180
Основные этапы развития социального строя у кубачинцев	190
Приложение 1. Кубачинские амулеты	199
Приложение 2. Говчары Сулейманта	201
Приложение 3. Кубачинские песни, опубликованные Л. И. Игнатовым	206
Литература	209

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
Общий очерк материальной культуры кубачино-даргинского нагорья	
Основные сведения о кубачинской территории и народе	5
Из истории присоединения к России	15
Роль металлообрабатывающих производств	16
Антикварная торговля	18
Кубачинские алатокузницы после Октябрьской революции	20
Сельское хозяйство и средства передвижения	24
Обработка шерсти и кож	30
Специализация селений кубачино-даргинского нагорья по отдельным производствам	33
Жилые и внешние постройки и внутренняя обстановка жилищ	33
Национальная одежда	47
Глава II	
Кубачинские металлообрабатывающие производства	
Состав производств	57
Медночеканное производство	60
Меднолитейное производство	66
Амузгивское клинковое производство	73
Монтировка	77
Гравировка	81
Насечка	89
Филитровка	93
Эмалевая работа	96
Сутбукские камеры	99
Орнамент	101
Творчество отдельных мастеров	119
Изделия для конкурса 1947 г. в Москве	136
Задачи дальнейшего изучения искусства Кубачи	138
Особенности орнамента медных изделий и некоторых бытовых предметов	139
Заключение	144

